

ОНИ ИДУТ ИСКАТЬ...

Н. Приморцев

Никита Приморцев

Они идут искать

«Автор»

2026

Приморцев Н.

Они идут искать / Н. Приморцев — «Автор», 2026

2059 год. Страна медленно восстанавливается после десятилетий кризисов и войн. Заводы ещё работают, люди продолжают жить привычной жизнью, а государство предлагает гражданам новую программу с многообещающим названием — «Новый рубеж». Когда обычный механик Артём Савельев получает приглашение на загадочный контракт, он ещё не знает, что сделал первый шаг в место, откуда почти никто не возвращается прежним. За высокими стенами скрывается мир, где каждый день становится борьбой за выживание, а по лесам бродят безмолвные охотники в жёлтой броне. Здесь невозможно понять, кому можно доверять, почему исчезают люди и что на самом деле скрывается за обещанием новой жизни. Иногда единственный способ выжить — перестать прятаться. Первая книга цикла «Новый рубеж».

© Приморцев Н., 2026

© Автор, 2026

Никита Приморцев

Они идут искать

От автора

Сновидения остаются одной из самых больших загадок человеческого сознания. Несмотря на десятилетия исследований, ученые до сих пор не могут с уверенностью ответить, почему мозг создает настолько детальные миры, способные вызывать страх, радость, любовь или чувство абсолютной реальности. Работы исследователей сна, таких как Мишель Жуве, Аллан Хобсон, Марк Солмс и других, значительно приблизили нас к пониманию природы сновидений, однако многие вопросы по-прежнему остаются без ответа.

Иногда сон забывается через несколько минут после пробуждения. Иногда он возвращается лишь смутным ощущением, словно воспоминание о месте, где ты никогда не был. Но бывают и другие сны.

Такие, которые невозможно выбросить из головы.

Они продолжают жить в памяти днями, неделями, а иногда и годами. Ты невольно возвращаешься к ним снова и снова, пытаешься понять, почему именно эта история оказалась сильнее сотен других.

Именно так произошло со мной.

Однажды ночью мне приснился мир, который существовал по собственным законам. Огромная территория, люди, вынужденные прятаться, молчаливые охотники в жёлтой броне, странные машины, похожие на безумное сочетание древности и технологий, и сирена, после которой всё вокруг менялось за считанные секунды.

Я проснулся с ощущением, будто посмотрел не сон, а чужое воспоминание.

На протяжении всего следующего дня отдельные сцены вновь и вновь возникали в памяти. Некоторые детали исчезали, другие, наоборот, становились только ярче. Я пытался снова уснуть, надеясь вернуться туда хотя бы ещё на несколько минут.

Не получилось.

Тогда я понял, что единственный способ сохранить увиденное — записать его.

Эта книга не является попыткой объяснить природу сновидений. И уж тем более не претендует на научную достоверность происходящих событий.

Это художественная история, выросшая из одного необычного сна, который однажды отказался исчезнуть после пробуждения.

Возможно, именно поэтому всё описанное на этих страницах кажется настолько реальным.

Потому что когда-то для меня оно уже было реальностью.

Н. Приморцев

I

Дождь начался ещё ночью.

Не тот короткий летний дождь, который через полчаса оставляет после себя только влажный асфальт и запах пыли. Этот был другим. Он шёл медленно, упрямо, будто заранее решил задержаться на несколько суток. К утру вода заполнила выбоины во дворе, тонкими струйками стекала с козырьков подъездов и лениво капала с оголённых ветвей старых тополей.

Октябрь в этом году наступил неожиданно рано.

Ещё неделю назад люди ходили в лёгких куртках, а теперь двор казался выцветшим. Серое небо, мокрые стены пятиэтажек, пустая детская площадка с потускневшей краской и одинокие качели, которые время от времени тихо поскрипывали от ветра.

На четвёртом этаже второго подъезда уже горел свет.

Окна квартиры были слегка запотевшими изнутри. За ними начиналось самое обычное утро, похожее на сотни предыдущих.

Будильник прозвонил без пяти шесть.

Не электронная мелодия.

Старый механический будильник с двумя металлическими колокольчиками, доставшийся Артёму ещё от отца.

Он никогда не доверял телефонам.

Телефон можно забыть зарядить.

Можно случайно выключить звук.

А этот будильник работал всегда.

Стоило лишь не забывать заводить его перед сном.

Артём открыл глаза почти сразу.

Несколько секунд он просто лежал, слушая дождь.

Иногда ему казалось, что именно в такие минуты квартира становится особенно тихой. Пока чайник ещё не закипел, соседи не хлопают дверями, а за стеной не начинает плакать маленький ребёнок, мир будто задерживает дыхание.

Он медленно сел на кровати.

Пол под ногами оказался холоднее, чем обычно.

Тапки, как всегда, куда-то исчезли.

Пришлось искать их почти вслепую.

На кухне всё оставалось так же, как и вчера вечером.

Кружка возле раковины.

Недочитанная газета.

Связка ключей.

И небольшой календарь, приколотый кнопкой к деревянной полке.

На сегодняшней дате стоял едва заметный крестик, поставленный простым карандашом.

Артём налил в чайник воды.

Щёлкнул выключателем.

Подошёл к окну.

Во дворе дворник уже собирал мокрые листья в длинные тёмные полосы. Работал неторопливо, время от времени опираясь на деревянную метлу. Несколько ворон дрались возле мусорных баков за размокшую хлебную корку. Из соседнего подъезда вышла женщина с такой. Собака категорически не хотела наступать в лужи и смешно перепрыгивала их одну за другой.

Обычное утро.

Настолько обычное, что через несколько месяцев Артём не смог бы вспомнить ни одной из этих деталей.

Но именно такие дни потом вспоминаются чаще всего.

Не праздники.

Не дни рождения.

Не большие события.

А самые тихие утра, когда ещё кажется, что впереди обычная жизнь.

Чайник щёлкнул почти сразу, хотя вода едва успела согреться. Артём снял его с подставки, несколько раз нажал на кнопку и, не добившись ничего, открыл крышку. На дне виднелся тонкий белёсый налёт, а возле нагревательного элемента застряла небольшая пластинка

ржавчины. Чайник был старый, купленный ещё до того, как бытовую технику начали собирать из одинаковых сменных блоков, поэтому выбрасывать его Артём не собирался. Старые вещи хотя бы позволяли понять, что именно в них сломалось. Новые обычно просто переставали работать, после чего на корпусе загорался красный индикатор и предлагал обратиться в ближайший сервисный пункт, которого в их районе не существовало уже третий год.

Он достал из нижнего ящика отвёртку, перевернул чайник и выкрутил два винта. Пластиковое дно поддавалось не сразу. Пришлось провести лезвием ножа по краю, отделяя прилипшую резиновую прокладку. Внутри всё оказалось предсказуемо: окислился контакт, ведущий к автоматическому выключателю. Артём зачистил его наждачной бумагой, прижал тонкими плоскогубцами и собрал корпус обратно. Весь ремонт занял не больше пяти минут. Когда вода наконец зашумела, он испытал короткое, почти детское удовлетворение, которое всегда появлялось после починки вещей. В последние годы это чувство приходило всё реже. Слишком многое вокруг теперь делалось одноразовым — техника, мебель, одежда, иногда даже дома. Их не ремонтировали, а разбирали на детали, если находился кто-то, кому эти детали ещё были нужны.

Он насыпал в кружку две ложки чая, залил кипятком и накрыл сверху блюдцем. Чай Артём предпочитал крепкий, почти горький, и никогда не добавлял в него сахар. На полке лежали три пакетика рафинада, принесённые ещё летом из столовой на заводе. Он хранил их для гостей, хотя гости в квартире появлялись редко. Один пакетик успел отсыреть и затвердел, второй был надорван по краю, а третий оставался целым, с зелёной эмблемой давно закрывшегося сахарного комбината. Артём несколько раз собирался выбросить их, но каждый раз оставлял на месте. Не из экономии. Просто пустая полка выглядела бы ещё пустее.

Пока чай настаивался, он открыл холодильник. Внутри стояла кастрюля с гречкой, половина банки солёных огурцов и пластиковый контейнер, в котором оставалось несколько кусочков запечённой курицы. Электричество ночью снова отключали, и на внутренней стенке холодильника успели выступить капли воды. Артём потрогал контейнер рукой, убедился, что мясо холодное, и поставил его на стол. От гречки он отказался. С утра есть не хотелось, но выйти из дома натошак означало к десяти часам начать думать только о еде. На работе он несколько раз забывал пообедать, особенно когда ремонт затягивался, а потом возвращался домой с головной болью и злостью на самого себя.

Он ел стоя, прислонившись бедром к столешнице, и смотрел в окно. Двор постепенно оживал. По мокрому асфальту прошла женщина в длинном сером пальто, придерживая над головой прозрачную папку вместо зонта. Следом выбежал мальчик с рюкзаком и остановился возле подъезда, ожидая кого-то из родителей. На детской площадке ветер раскачивал пластиковую лошадку на пружине. Она наклонялась вперёд, возвращалась назад и каждый раз тихо поскрипывала, хотя никто к ней не прикасался.

На доме напротив висел большой электронный экран. Когда-то на нём показывали рекламу, новости района и расписание городского транспорта. Теперь экран включался лишь по утрам и вечерам, когда в сети хватало мощности. Несколько секунд он оставался чёрным, затем по поверхности пробежали помехи, и появилось изображение государственного герба. Картинка дрожала, звук отсутствовал. Под гербом медленно проявилась дата: **17 октября 2059 года.**

Артём задержал взгляд на цифрах.

Пятьдесят девятый год всё ещё казался чем-то ненастоящим. В детстве он представлял середину века иначе. В учебниках и старых фильмах люди ходили по чистым городам, ездили на бесшумных машинах и разговаривали с домашними роботами, которые убирали квартиры, готовили еду и следили за здоровьем хозяев. Некоторые из этих вещей действительно появились. Беспилотные грузовики давно ходили между крупными городами, на складах почти не осталось людей, а в больницах операции проводили манипуляторы, которыми врачи управляли

из соседних регионов. Но всё это существовало где-то отдельно, за пределами их двора, их города и старой кухни с починенным чайником.

На экране сменилась заставка. Появилась карта страны, разделённая на цветные сектора. Большая часть западных территорий была отмечена бледно-серым, южные районы — оранжевым, центральная полоса — зелёным. Внизу возникла строка с прогнозом потребления электроэнергии и предупреждением о возможных веерных отключениях. Затем показали короткий ролик о восстановлении промышленности. Камера скользила над новыми заводскими корпусами, по чистым цехам двигались роботы-погрузчики, сварочные автоматы соединяли металлические каркасы, а над всем этим звучала музыка, которую экран не мог воспроизвести.

Артём выключил его настенным переключателем.

Он работал на одном из предприятий, которые в подобных роликах всегда показывали сверху, на рассвете, когда свет красиво отражался от крыш. Только их завод давно не выглядел так аккуратно. У административного корпуса обваливалась штукатурка, два цеха стояли без отопления, а в ремонтной службе последние исправные аккумуляторы выдавали под подпись. Автоматическая линия, запущенная семь лет назад, работала через день, потому что половина датчиков не подходила к новой системе управления. Людей сокращали, потом возвращали обратно, когда выяснялось, что роботы не умеют чинить друг друга без нужных деталей.

Впрочем, Артём не жаловался. Работа оставалась работой, а это в их городе значило больше, чем хорошие условия. За последний год закрылись швейная фабрика, хлебокомбинат и участок по сборке сельскохозяйственных дронов. Многие уехали ближе к Москве, другие перебивались случайными заработками, ремонтировали крыши, разбирали заброшенные здания или ездили в соседние районы на сезонные работы. Некоторые подписывались на государственные программы переселения, хотя никто толком не понимал, куда именно отправляли участников и почему после переезда от них редко приходили сообщения.

Артём допил чай и поставил кружку в раковину. Мыть её сразу не стал. Он всегда оставлял посуду на вечер, хотя каждое утро обещал себе изменить эту привычку. Затем вернулся в комнату и открыл шкаф. Одежды в нём было немного: две рабочие куртки, тёмный свитер, несколько рубашек и костюм, который он надевал всего дважды — на похороны отца и на свадьбу младшей сестры. Свадьба состоялась девять лет назад, ещё до второго энергетического кризиса, когда в ресторанах не выключали свет в десять вечера, а музыка могла играть до утра. Артём помнил тот день плохо. Остались только отдельные кадры: сестра в белом платье, отец с красным лицом, бутылки на длинном столе и собственное ощущение усталости после ночной смены.

Он достал рабочие брюки и серую водолазку. Куртка висела на спинке стула с вечера. На груди сохранилось выцветшее название предприятия — «Реммехкомплекс». Последние буквы почти стёрлись, поэтому издали надпись читалась как «Реммех». Рабочие давно называли завод именно так, не вспоминая полное название.

Перед выходом Артём проверил карманы. Ключи, пропуск, складной нож, пачка дешёвых сигарет, которой хватало уже третью неделю. Курить он бросил два года назад, но пачку носил с собой. Иногда на работе сигарета заменяла деньги, особенно если требовалось быстро найти нужную деталь или уговорить кладовщика не оформлять лишнюю ведомость. Он добавил в сумку контейнер с гречкой, небольшой термос и свёрнутую газету. На первой странице была напечатана статья о новых инвестиционных программах, рассчитанных на жителей промышленных районов. Заголовок занимал почти половину полосы:

«РАБОТА, КОТОРАЯ ИЗМЕНИТ ВАШУ ЖИЗНЬ»

Артём не читал статью. Газету ему сунули в руки возле проходной, и он забрал её только потому, что на рабочем столе закончилась бумага для подкладки под детали.

В коридоре он задержался перед зеркалом. Оно висело немного криво, и отражение всегда казалось перекошенным в левую сторону. Артём пригладил волосы, застегнул куртку и

посмотрел на себя внимательнее, чем обычно. Лицо не изменилось, но за последние месяцы под глазами появились тёмные полосы. Он плохо спал. Ночью просыпался от шума труб, от редких машин во дворе, от собственного кашля, хотя врачи уверяли, что лёгкие чистые. Иногда ему снились старые цеха, которых уже не существовало. Во сне он ходил между станками и пытался найти выход, но каждый проход заканчивался стеной или закрытой дверью. Проснувшись, он редко помнил подробности, только неприятное ощущение тесноты.

На полке под зеркалом лежал конверт.

Артём заметил его ещё вчера, когда вернулся с работы. Обычный плотный конверт серого цвета, без марки и обратного адреса. На лицевой стороне было напечатано его полное имя: **Савельев Артём Викторович**. Буквы стояли ровно, без перекосов и следов принтера. Такие конверты иногда присылала налоговая служба или районное управление, но обычно на них имелся герб и номер ведомства.

Он поднял конверт, повертел в руках и снова положил на место.

Открывать его с утра не хотелось. Любое официальное письмо почти наверняка означало расходы, очереди или необходимость доказывать, что ты не обязан делать то, чего от тебя требуют. Артём решил посмотреть вечером, когда вернётся с работы. Возможно, речь шла о перерасчёте коммунальных платежей. Возможно, о старом кредите отца, который давно должен был быть закрыт. Возможно, о чём-то ещё, что спокойно подождёт до шести часов.

Он выключил свет и вышел на лестничную площадку.

В подъезде пахло сыростью, кошачьей шерстью и варёной капустой. Лампочка над его дверью не горела, хотя Артём менял её в прошлом месяце. На стене кто-то чёрным маркером написал номер телефона, а ниже добавил: «ремонт зарядных блоков». Половину цифр закрасили, но надпись продолжала проступать через слой серой краски.

На третьем этаже дверь приоткрылась, и в проёме появилась соседка, Тамара Ивановна. Она была в халате и шерстяной кофте, на голове уже лежала аккуратно завязанная косынка, хотя из квартиры выходить она не собиралась. В руках женщина держала пустую стеклянную банку.

— Артём, ты на работу?

— На работу.

— В подвал зайти не сможешь вечером? У меня опять батарея холодная.

Он посмотрел на трубу, проходившую вдоль стены. Та была едва тёплой.

— Зайду. Только после семи.

— После семи я уже лекарства пью.

— Тогда постучу перед тем, как спускаться.

Тамара Ивановна кивнула, но дверь не закрыла.

— Тебе письмо вчера приносили.

Артём остановился на ступеньке.

— Какое письмо?

— Серое такое. Мужчина принёс. Не почтальон.

— Что за мужчина?

— Молодой. Или не очень молодой, сейчас не разберёшь. В плаще был, капюшон натянут. Спросил, здесь ли ты живёшь. Я сказала, здесь. Он конверт в дверь сунул и ушёл.

— Ничего больше не говорил?

— Нет. Только фамилию твою уточнил.

Артём на несколько секунд задумался. Вчера он решил, что письмо просто лежало в ящике и выпало на пол, когда кто-то открывал дверцу. Теперь конверт показался менее обычным, хотя ничего особенно тревожного в рассказе соседки не было. Курьеры давно ходили без формы, а государственные службы нередко нанимали временных работников.

— Вечером посмотрю, — сказал он.

— Посмотри. А то время сейчас такое, письма просто так не носят.

Что именно означало «время сейчас такое», Тамара Ивановна не уточнила. Она говорила эту фразу почти обо всём: о ценах, отключениях воды, болезнях, шумных подростках во дворе и редких военных самолётах, проходивших над городом по ночам. Артём попрощался и продолжил спускаться.

На первом этаже кто-то оставил мешок с картошкой. Несколько клубней выкатились на лестницу, один оказался раздавлен подошвой и оставил на бетоне светлый влажный след. Возле почтовых ящиков лежали рекламные листки с предложениями обменять старую технику на продовольственные баллы. Дверь подъезда плохо закрывалась, поэтому ветер задувал внутрь дождь. На коврикe собралась небольшая лужа.

Во дворе стало светлее, но небо по-прежнему оставалось низким и серым. Дождь почти прекратился, сменившись мелкой водяной пылью, от которой одежда намокала незаметно. Артём поднял воротник и пошёл к остановке, стараясь обходить самые глубокие лужи. Асфальт возле дома ремонтировали весной, но после первых осенних дождей заплатки начали крошиться. Вода заполнила трещины, и в отражениях окон пятиэтажки казались выше, чем были на самом деле.

Город назывался Невельском, хотя до настоящего Невельска, расположенного на дальнем востоке страны, отсюда были тысячи километров. Название появилось ещё в прошлом веке, когда посёлок строили вокруг завода и собирались переименовать после запуска первого цеха. Цех запустили, посёлок вырос, а название так и осталось. На старых картах район обозначался как Невельск-Центральный, но после административной реформы вторую часть убрали.

Здесь жило чуть больше сорока тысяч человек. Когда-то население почти доходило до семидесяти, однако за последние двадцать лет город медленно пустел. На окраинах стояли целые улицы с заколоченными домами. Из некоторых вывозили кирпич, окна и металлические ворота, другие оставались нетронутыми и постепенно проваливались внутрь самих себя. Центр держался лучше. Работали две школы, больница, рынок и несколько магазинов. В бывшем Дворце культуры разместили пункт распределения гуманитарных товаров и небольшую частную клинику. Кинотеатр закрыли ещё до войны, а через несколько лет в нём открыли склад.

Артём знал город настолько хорошо, что мог пройти от дома до завода почти не глядя по сторонам. Сначала вдоль пятиэтажек, потом через небольшой сквер, мимо здания старой библиотеки, дальше по мосту над железнодорожными путями и ещё десять минут до проходной. В хорошую погоду дорога занимала сорок минут. Сегодня он решил сесть на автобус.

На остановке стояли шесть человек. Пожилой мужчина держал под мышкой свёрнутую рыболовную сеть, две женщины обсуждали цены на рынке, а девушка в длинной куртке смотрела на маленький экран, встроенный в рукав. У края навеса сидела собака с мокрой шерстью. Она не просила еды и не обращала внимания на людей, только следила за дорогой, будто тоже ждала транспорт.

Расписание висело под мутным пластиком. Большинство строк было перечёркнуто чёрным маркером. Автобус должен был прийти в шесть сорок, но часы на остановке показывали без двенадцати семь. Артём проверил телефон. Связь работала, время совпадало.

На противоположной стороне улицы включился громкоговоритель.

Такие устройства установили по всему городу после пограничного конфликта сорок шестого года. Сначала через них передавали предупреждения о воздушной тревоге и инструкции для населения, затем начали сообщать об отключениях, погоде и городских мероприятиях. Со временем большая часть динамиков вышла из строя, однако этот работал исправно.

Женский голос ровно произнёс:

— Уважаемые жители. Сегодня с девяти до шестнадцати часов будет ограничена подача электроэнергии в третьем, пятом и шестом районах. Просьба отключить чувствительные приборы от сети. Городская администрация приносит извинения за временные неудобства.

Сообщение повторили дважды.

Никто на остановке не отреагировал. Ограничения происходили почти каждый день, менялись только районы и часы. Женщины продолжили обсуждать мясо, пожилой мужчина поправил сеть, а девушка провела пальцем по экрану на рукаве.

Автобус появился из-за поворота через семь минут. Он был небольшим, электрическим и почти бесшумным. На крыше находился старый резервный двигатель, который запускался зимой или во время перебоев с зарядными станциями. Сегодня двигатель не работал, поэтому автобус приближался с тихим гулом колёс по мокрому асфальту.

Двери открылись не сразу. Водитель несколько раз нажал кнопку, после чего створки дёрнулись и разошлись. Артём пропустил пожилого мужчину, приложил пропуск к терминалу и вошёл в салон. Терминал мигнул жёлтым, списав с городского счёта четыре транспортных балла.

Свободных мест было много. Он сел у окна и поставил сумку между ног. Стекло запотело, но сквозь него всё равно можно было различить знакомые улицы. Автобус медленно тронулся, собирая пассажиров на следующих остановках.

Возле библиотеки Артём заметил очередь. Люди стояли вдоль стены под зонтами, некоторые держали пластиковые канистры и большие сумки. На двери висело объявление о выдаче нового типа топливных карт. Рядом работал маленький дрон с камерой. Он зависал над очередью, поворачивался из стороны в сторону и периодически опускался ниже, считывая документы.

В детстве Артём любил библиотеку. Там было тепло, тихо и пахло старой бумагой. Мать приводила его по субботам, пока сама ходила на рынок. Он сидел возле окна и листал книги о путешествиях, технике и дальних странах. Некоторые страны к тому времени уже закрыли границы, другие перестали существовать под прежними названиями, но в книгах всё оставалось неизменным: океаны были синими, города светились по ночам, а самолёты свободно пересекали континенты.

После двадцать седьмого года всё начало меняться слишком быстро. Сначала торговые войны и санкционные блоки, потом распад международных союзов, борьба за энергетические маршруты и первая волна климатических переселений. Мировые кризисы перестали восприниматься как отдельные события и постепенно слились в одну непрерывную полосу новостей. Каждый новый год объявляли переломным, каждое соглашение называли историческим, однако жизнь обычных людей становилась только теснее и дороже.

Россия закрывалась постепенно. Сначала ограничили выезд специалистов, затем ввели внутренние паспорта нового образца, позже пересечение границы стало возможно только по государственным квотам. После войн сороковых годов границы закрыли почти полностью. Парадокс заключался в том, что именно тогда тысячи людей из других стран начали пытаться попасть внутрь. На большей части Европы не хватало воды и энергии, южные регионы страдали от засух, а прибрежные города медленно уходили под воду. Россия, пережившая собственный экономический обвал, всё же сохранила огромные территории, сырьё и промышленную базу. Страна оставалась бедной, тяжёлой и закрытой, но для многих за её границами она казалась местом, где хотя бы можно жить.

Артём редко думал об этом. Большая история существовала на экранах и в газетах, а его жизнь измерялась более понятными вещами: сменами, оплатой отопления, состоянием оборудования и количеством продуктов в холодильнике. Он никогда не был за границей и не испытывал желания туда попасть. Мир за пределами страны казался таким же далёким, как космические станции, о которых рассказывали в детстве.

Автобус свернул к железнодорожному мосту. Под ним стоял грузовой состав, гружённый металлическими контейнерами. На каждом контейнере была одинаковая белая маркировка: круг, пересечённый вертикальной линией. Артём видел этот знак и раньше, но не знал, какой

организации он принадлежит. Составы с такими контейнерами начали проходить через город около года назад. Они всегда двигались ночью или ранним утром, не останавливались на станции и шли на восток.

На мосту автобус замедлился. Впереди работала дорожная техника. Небольшая машина без кабины заливала трещины в покрытии тёмным составом, а другой робот двигался следом и разравнивал поверхность металлическим валиком. Рядом стоял человек в оранжевом жилете, но почти не участвовал в работе. Он курил под зонтом и смотрел на экран планшета.

Девушка, сидевшая через проход, подняла голову.

— Опять машины делают, а весной всё смоем.

Никто ей не ответил.

Она усмехнулась и снова посмотрела в экран.

Артём перевёл взгляд на её рукав. На дисплее мелькали вакансии. Названия компаний сменяли друг друга, под ними появлялись суммы и сроки контрактов. Большинство предложений касалось удалённых территорий: восстановление дорог, обслуживание автоматических станций, сельскохозяйственные комплексы, охрана грузовых маршрутов. Возле одной вакансии стояла сумма, почти в десять раз превышавшая среднюю зарплату на заводе. Девушка задержала на ней палец, открыла описание, быстро прочитала и закрыла.

Артём отвернулся.

Подобные предложения попадались всё чаще. Они обещали большие деньги, жильё и государственные льготы, но почти всегда требовали подписать соглашение о неразглашении и отказаться от связи на время контракта. Некоторые знакомые уезжали. Кто-то возвращался через несколько месяцев с новой машиной и молчал о работе. Кто-то не возвращался вовсе, но семьи продолжали получать выплаты и уверяли соседей, что всё в порядке.

Автобус пересёк мост и приблизился к промышленной зоне. За бетонным забором показались трубы, крыши цехов и металлические фермы. Над заводом висел низкий слой пара, смешанный с дождевыми облаками. Издалека предприятие казалось огромным и почти живым. Оно гудело, выпускало дым, вспыхивало электрическими дугами и время от времени содрогалось от ударов прессов.

Артём вышел вместе с несколькими пассажирами. До начала смены оставалось двенадцать минут.

У проходной собралась небольшая очередь. Система распознавания лиц снова работала медленно, и каждому приходилось несколько секунд стоять перед камерой, пока зелёная рамка совмещалась с изображением. Над турникетами висел экран с производственными показателями. План за предыдущие сутки был выполнен на семьдесят два процента. Ниже красным цветом мигало сообщение о перерасходе энергии.

Когда подошла очередь Артёма, камера не распознала его с первого раза. Он снял капюшон, вытер лицо ладонью и посмотрел прямо в объектив. Зелёная рамка появилась почти сразу.

— Савельев Артём Викторович. Участок технического обслуживания. Допуск подтверждён.

Турникет открылся.

Внутри проходной пахло мокрыми куртками и машинным маслом. На стене висели плакаты по технике безопасности, большинство из которых сохранилось ещё с тридцатых годов. Рядом появился новый стенд. На нём крупными буквами было написано:

«ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА “НОВЫЙ РУБЕЖ”. ВАШИ НАВЫКИ НУЖНЫ СТРАНЕ».

Под заголовком изображался мужчина в рабочей форме. Он стоял на фоне современного промышленного комплекса, окружённого лесом. Внизу перечислялись преимущества: высо-

кий доход, досрочное погашение долгов, медицинское обеспечение семьи, жилищный сертификат после завершения контракта.

Артём скользнул взглядом по плакату и прошёл дальше.

Подобные объявления появились в городе в начале месяца. Их клеили в автобусах, магазинах и подъездах, показывали на электронных экранах. Никто толком не понимал, что это за программа. Говорили, что строят новый энергетический узел где-то на северо-востоке. Другие уверяли, что речь идёт о восстановлении закрытых территорий после войны. В заводской столовой ходил слух, будто участников отправляют обслуживать огромные автономные хозяйства, которыми владеют частные фонды.

Артём слухами не интересовался.

Он переоделся в раздевалке, убрал вещи в металлический шкафчик и направился в цех. Начинался обычный рабочий день, похожий на десятки предыдущих. Впереди его ждали неисправный привод конвейера, спор с мастером из-за отсутствующих деталей и холодная гречка в обеденный перерыв. Серый конверт остался лежать дома на полке под зеркалом, и до вечера Артём почти не вспоминал о нём.

В ремонтном цехе было теплее, чем на улице, но это тепло не имело ничего общего с домашним. Оно исходило от перегретых электродвигателей, сварочных аппаратов, масляных трубопроводов и старых радиаторов, которые работали только в тех местах, где никто не сидел. Воздух пах железной пылью, горячей изоляцией и эмульсией, которой смазывали режущий инструмент. Этот запах въедался в одежду и волосы настолько глубоко, что не исчезал даже после стирки. Артём давно перестал его замечать, но всякий раз, когда ехал в общественном транспорте после смены, по тому, как люди немного отодвигались, понимал: завод всё ещё идёт рядом с ним.

Участок технического обслуживания занимал дальнюю часть третьего корпуса, отделённую от основного производства сетчатой перегородкой. За ней стояли верстаки, шкафы с инструментом, зарядные станции и несколько разобранных приводов, которые уже не помещались на стеллажах. Над входом висела табличка с надписью «Посторонним вход запрещён», хотя посторонних здесь почти никогда не бывало. По стенам тянулись кабели в серых металлических коробах, местами перемотанные изолентой и закреплённые проволокой. Когда предприятие модернизировали, новые линии проложили поверх старых, не снимая прежние. В результате никто уже не мог с уверенностью сказать, какой кабель куда ведёт и что перестанет работать, если его случайно перерезать.

На центральном верстаке лежал привод конвейера, из-за которого Артёма вызвали на час раньше обычного. Корпус редуктора был снят, рядом в масляной ветоши лежали шестерни, подшипники и обломок фиксирующего кольца. Кто-то успел разобрать механизм до него и теперь оставил детали в том порядке, в каком они падали на стол.

— Доброе утро, Викторович, — произнёс из-под верстака голос.

Артём наклонился и увидел Сёму Лыткина. Тот лежал на спине, засунув голову и плечи под металлическую тумбу, и пытался достать что-то у стены. Из-под его ботинка торчал конец синего провода.

— Ты что там потерял?

— Отвёртку.

— А провод зачем тянешь?

— Я думал, она за него зацепилась.

— А если это питание?

Сёма замер, осторожно отпустил провод и медленно выбрался наружу. Ему было двадцать два, но из-за худого лица, светлых волос и слишком большой рабочей куртки он иногда казался школьником, случайно оказавшимся в цехе. На завод его приняли по распределению после колледжа. Первые месяцы он путал автоматический выключатель с контактором и

умудрился однажды отправить в ремонт исправный двигатель, зато быстро учился и не боялся спрашивать. Артём ценил это больше, чем показную уверенность, которой обычно страдали молодые рабочие.

— Всё обесточено, — сказал Сёма, поднимаясь. — Я проверял.

— Чем?

— Индикатором.

— Каким?

Сёма посмотрел на верстак, где среди отвёрток лежал старый однополюсный пробник.

— Этим.

— Он у тебя вчера в масле утонул. Ты его хоть вытер?

— Вытер.

— А проверил?

Сёма помолчал и наклонился за индикатором.

— Сейчас проверю.

— Уже не надо. Подай лучше лампу.

Артём снял куртку, повесил её на гвоздь возле шкафа и принялся осматривать привод. Поломка выглядела простой: фиксирующее кольцо лопнуло, вал сместился, одна из шестерён начала задевать крышку редуктора. Если бы линию остановили сразу после появления постороннего звука, ремонт ограничился бы заменой кольца и подшипника. Однако конвейер продолжал работать ещё почти две смены. Стружка попала в масло, зубья нескольких шестерён покрылись задирами, а на валу появилась неглубокая канавка.

Артём взял шестерню, вытер её чистой ветошью и поднёс к лампе. Металл блестел неровно. На боковой поверхности сохранились следы нагрева.

— Кто разобрал?

— Ночная смена. Говорят, Яковлев начал, потом его на четвертую линию вызвали.

— Крышку хотя бы поместили?

Сёма поднял крышку и показал сделанную маркером стрелку.

— Вот.

— Это не метка. Это кто-то просто ручку расписывал.

Сёма перевернул крышку. На внутренней стороне обнаружили две аккуратные риски.

— Тогда вот.

Артём кивнул и положил деталь обратно. Он работал спокойно, не спеша, хотя понимал, что через несколько минут появится мастер и начнёт спрашивать, когда привод можно будет вернуть на линию. На заводе почти всё ремонтировали срочно, независимо от сложности поломки. Если требовалось заменить предохранитель, работу называли срочной. Если трескался корпус редуктора и нужно было заказывать новый, её всё равно называли срочной, словно от этого металл мог быстрее свариться или нужная деталь неожиданно появиться на складе.

Мастер пришёл через семь минут. Сергей Павлович Корнеев был крупным мужчиной лет сорока пяти, с тяжёлой походкой и лицом человека, который уже утром устал от предстоящего дня. Он всегда носил чистую каску, хотя редко заходил туда, где она могла понадобиться, и держал планшет под мышкой, словно тот подтверждал его должность. Когда-то Корнеев сам работал слесарем и разбирался в оборудовании лучше половины инженерного отдела, однако после повышения стал говорить о сроках чаще, чем о причинах.

— Ну что там? — спросил он, даже не поздоровавшись.

— Вал живой. Шестерня под замену, подшипник тоже. Кольцо лопнуло.

— Запустим сегодня?

Артём ещё раз осмотрел шестерню.

— Если на складе найдётся комплект.

- Комплект есть.
- Вчера не было.
- Сегодня должен быть.
- Кто сказал?
- Начальник снабжения.

Артём положил шестерню на стол и вытер руки.

- Значит, нет.

Корнеев тяжело вздохнул, но спорить не стал. На заводе существовало негласное правило: если снабжение утверждало, что деталь должна быть, это означало лишь то, что она когда-то была внесена в накладную. Фактически комплект мог лежать на другом предприятии, ехать в грузовом составе или вообще существовать только в электронной базе.

— Попробуйте собрать из того, что есть, — сказал мастер. — Вторая линия стоит, план и так провален.

- Из чего собрать? Из старой шестерни и обещаний снабжения?
- Викторович, не начинай. Я понимаю не хуже тебя.
- Тогда зачем спрашиваешь?

Корнеев посмотрел на Сёму, который старательно делал вид, что занят лампой.

— До обеда хотя бы скажете, что нужно точно. Я попробую выбить детали через начальство.

- К обеду будет список.

Мастер кивнул и уже собирался уйти, но задержался возле дверей.

- И ещё. В одиннадцать общий сбор в столовой.
- По какому поводу?
- Руководство приедет. Будут рассказывать про программу.
- Какую?

Корнеев указал подбородком в сторону проходной.

— «Новый рубеж». Они уже третий день здесь ходят, кабинеты смотрят, списки запрашивают. Сегодня, видимо, решили людям объяснить, что им от нас надо.

- А работа в это время сама делается?
- Полчаса переживём.
- Вторая линия стоит.
- Вот поэтому и переживём. Всё равно запускать нечего.

Корнеев ушёл, оставив после себя запах мокрой шерсти и дешёвого одеколона. Сёма дождался, пока шаги мастера стихнут, и приблизился к Артёму.

- Я про эту программу читал.
 - И что пишут?
 - Почти ничего. Контракт от трёх месяцев до года, оплата еженедельная, питание, жильё, медицинская страховка. После окончания — подъёмные и какое-то право на получение жилья вне очереди.
 - Где?
 - Не указано.
 - Что делать?
 - Тоже не указано.
- Артём усмехнулся.
- Хорошая работа.
 - Зато платят.
 - Где сумма?
 - После собеседования.
 - Ещё лучше.

Сёма сел на край верстака и взял в руки сломанное кольцо. Он повертел его, рассматривая место излома, затем положил обратно.

— Петров из литейного говорил, его брат уехал по похожему контракту. Вернулся через полгода. Купил дом под Рязанью.

— И чем занимался?

— Не говорит.

— Значит, подписал бумагу.

— Может быть. Но деньги-то настоящие.

Артём не ответил. Разговоры о лёгких заработках на заводе появлялись регулярно. Несколько лет назад людей звали обслуживать ветровые станции на севере. Потом обещали высокий доход за работу на восстановлении портовых городов. Позже появились контракты для специалистов, готовых жить в закрытых посёлках без связи. Каждый раз находились желающие. Одни действительно возвращались с деньгами, другие исчезали из жизни города так тихо, словно их никогда здесь не было.

Сам Артём никогда всерьёз не рассматривал подобные предложения. Не из осторожности и не из особой любви к Невельску. Просто он привык понимать, что именно делает и за что получает деньги. Если нужно отремонтировать привод, заменить кабель или настроить защиту двигателя, результат можно было потрогать руками. С неизвестными программами всё строилось наоборот: сначала человека убеждали подписать бумаги, потом сообщали место и обязанности, а задавать вопросы разрешалось только в пределах, заранее определённых договором.

До одиннадцати они почти не разговаривали. Артём снял повреждённый подшипник, очистил посадочное место и измерил вал. Сёма переносил данные в электронную ведомость и время от времени уточнял размеры. За перегородкой двигалась основная линия. Тележки с металлическими заготовками медленно шли вдоль цеха, останавливались возле автоматических постов и снова трогались. Манипуляторы опускали детали в зажимы, сварочные головки вспыхивали ярким белым светом, вытяжка засасывала дым под потолок. В дальнем конце корпуса работал старый пресс. Каждые несколько минут раздавался тяжёлый удар, после которого дрожали стёкла и на поверхности чая в кружке расходились круги.

Несмотря на автоматизацию, людей вокруг оставалось много. Кто-то следил за показаниями датчиков, кто-то подвозил материалы, кто-то вручную исправлял то, с чем не справлялись машины. Рабочие двигались в жёлтых жилетах между ограждениями, исчезали в проходах, появлялись возле терминалов. Издали всё это походило на сложный механизм, в котором люди выполняли роль временных деталей, устанавливаемых туда, где настоящие детали ещё не успели придумать.

Около десяти часов на участок заглянул кладовщик Козлов. Невысокий, сутулый и всегда недовольный, он держал в руках пластиковый контейнер с двумя подшипниками.

— Комплекта нет, — сообщил он, ставя контейнер на стол.

— Сергей Павлович сказал, что есть.

— Пусть он тебе и выдаёт.

Артём осмотрел подшипники. Один был новым, второй уже стоял на оборудовании и сохранил следы съёмника.

— Этот откуда?

— С резервной линии.

— Она теперь без подшипника?

— Она всё равно не работает.

— Почему?

— Потому что с неё всё снимают.

— А потом её неожиданно понадобится запустить.

Козлов развёл руками.

— Не ко мне вопросы. Я что сказали, то принёс.

— Шестерни нет?

— Есть похожая.

— Насколько похожая?

— Круглая.

Сёма не выдержал и рассмеялся. Козлов посмотрел на него без всякого выражения.

— Смейся. Когда вы её напильником подгонять будете, я тоже приду посмотрю.

Он достал из кармана электронный пропуск и протянул Артёму.

— Подпиши получение.

— Я один подшипник возьму.

— В ведомости два.

— Значит, исправь ведомость.

— Она уже закрыта.

— Тогда открывай.

Кладовщик тяжело вздохнул. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, потом Козлов забрал использованный подшипник и ушёл, пробормотав что-то о людях, которым делать нечего.

Сёма проводил его взглядом.

— Он когда-нибудь бывает довольным?

— Был один раз.

— Когда?

— Когда склад затопило и все ведомости за прошлый год пропали.

— Почему он радовался?

— Проверка должна была приехать.

К одиннадцати ремонт остановился. Без шестерни собирать привод не имело смысла. Артём накрыл детали чистой тканью, убрал инструмент и вместе с Сёмой направился в столовую. По пути к ним присоединились ещё несколько рабочих. Кто-то обсуждал простой линии, кто-то ругал администрацию за очередное собрание, кто-то пытался узнать, действительно ли участникам программы обещают списание долгов.

Столовая находилась в отдельной пристройке, соединённой с цехом длинным переходом. Окна в переходе были высокими и узкими, поэтому даже днём там горели лампы. За стеклом виднелись внутренний двор, старые корпуса и рельсовая ветка, по которой небольшие автономные платформы перевозили металл. Дождь усилился. Вода бежала по бетону и собиралась возле забитых ливневых решёток.

В столовой уже сидели больше сотни человек. Столы сдвинули к стенам, освободив место перед небольшим помостом. На нём установили экран и два кресла. Рядом стояла женщина в тёмном костюме и мужчина в серой форме без знаков различия. Оба выглядели слишком аккуратно для заводского помещения. Их обувь оставалась чистой, хотя от проходной сюда невозможно было дойти, не наступив хотя бы в одну лужу.

Артём сел ближе к выходу. Сёма устроился рядом и сразу начал разглядывать гостей.

— Женщина из министерства, наверное.

— Почему?

— Костюм дорогой.

— Может, костюм дешёвый, а ты одежды нормальной не видел.

— Тоже вариант.

Через несколько минут в зал вошёл директор предприятия. За ним следовали Корнеев, начальники цехов и двое сотрудников службы безопасности. Директор поднялся на помост и постучал пальцем по микрофону. Динамики отозвались глухим ударом.

— Коллеги, прошу внимания. Сегодня к нам прибыли представители федерального координационного фонда. Как вы уже могли видеть, на предприятии проводится набор специалистов в рамках программы «Новый рубеж». Участие добровольное. Никого принуждать не будут.

По залу прошёл тихий смешок. На заводе всякий раз особо подчёркивали добровольность именно тех вещей, отказаться от которых потом оказывалось сложнее всего.

Директор подождал, пока люди успокоятся.

— Программа предусматривает временную работу на особой территории, полное государственное обеспечение и вознаграждение, значительно превышающее действующие отраслевые ставки. Особый интерес представляют специалисты технического профиля: электрики, механики, операторы автоматизированных систем, медицинские работники, водители и сотрудники охраны. Более подробно вам расскажет представитель фонда Елена Андреевна Миронова.

Женщина в костюме поднялась. Ей было около сорока, волосы были коротко подстрижены, а лицо сохраняло вежливое, немного отстранённое выражение. Она не стала подходить к микрофону и говорила без него, однако голос оказался достаточно уверенным, чтобы его слышали даже у дальней стены.

— Добрый день. Я постараюсь не отнимать у вас много времени. «Новый рубеж» является частью программы восстановления и освоения территорий, временно выведенных из хозяйственного использования после событий сороковых годов. Перед страной стоит задача вернуть эти районы к нормальной жизни, восстановить инфраструктуру, связь, энергоснабжение и условия для постоянного проживания.

На экране появилась фотография широкого поля, окружённого лесом. Вдали виднелись несколько новых зданий и башня связи. Снимок был сделан с высоты, поэтому определить масштаб оказалось невозможно.

— Программа рассчитана на граждан Российской Федерации в возрасте от двадцати одного до пятидесяти пяти лет. Для отдельных категорий допускается участие семей. Условия зависят от выбранного направления и продолжительности контракта. Минимальный срок составляет девяносто дней. Максимальный — три года.

На следующем слайде появились цифры. Суммы были действительно высокими. Даже начальная ставка за три месяца превышала годовой заработок большинства присутствующих. В зале стало тише. Люди перестали перешёптываться и внимательнее смотрели на экран.

— Кроме основного вознаграждения, участникам предоставляется жильё, питание, медицинское обслуживание и страхование. При успешном завершении контракта предусмотрены дополнительные выплаты, жилищные сертификаты, льготное обучение детей и погашение части государственных кредитных обязательств.

Мужчина в первом ряду поднял руку.

— А место где?

— Территории распределены между несколькими регионами. Конкретное направление определяется после медицинского обследования и оценки профессиональных навыков.

— Связь там есть?

— В большинстве пунктов действует внутренняя сеть.

— А с семьёй?

Женщина выдержала короткую паузу.

— Возможность внешней связи зависит от режима территории и характера выполняемых работ. В некоторых случаях она может быть временно ограничена.

По залу прошёл гул. Кто-то негромко выругался.

— Значит, совсем без связи? — спросил тот же рабочий.

— Я сказала: временно ограничена. Все условия подробно указываются в индивидуальном контракте. До его подписания вы получите возможность ознакомиться с документами и задать вопросы специалисту фонда.

Артём смотрел не на женщину, а на фотографии, которые сменялись на экране. Поля, новые дороги, деревянные дома, склады, медицинский пункт, длинный одноэтажный корпус. Ни на одном снимке не было людей. Возможно, фотографии делали специально до заселения, однако пустота повторялась слишком последовательно. Даже техника стояла неподвижно, словно была расставлена для съёмки.

Появился общий план небольшого поселения. Несколько улиц, окружённых лесом, вышка, водонапорная башня и линия тёмного ограждения. На дальнем плане едва различимо поднималось крупное здание, почти скрытое туманом.

Слайд исчез быстрее остальных.

— Кто управляет территориями? — спросил пожилой электрик из первого цеха.

— Координационный фонд совместно с региональными администрациями и частными операторами.

— Какими операторами?

— Перечень зависит от объекта.

— Их названия можно узнать?

— После прохождения первичного отбора.

Электрик покачал головой и больше ничего не спросил.

Елена Андреевна продолжила рассказывать о медицинских требованиях, страховании и процедуре подачи заявления. Чем дольше она говорила, тем больше программа напоминала обычный вахтовый контракт, только изложенный языком, в котором каждое простое слово заменялось несколькими официальными. Вместо поездки — перемещение к месту участия. Вместо работы — выполнение функционального задания. Вместо запрета на связь — временное ограничение внешних коммуникаций.

Когда выступление закончилось, сотрудникам предложили взять анкеты на выходе. Никто не обязан был заполнять их сразу. Представители фонда должны были оставаться на заводе до конца недели и проводить индивидуальные консультации в административном корпусе.

Люди начали расходиться. Несколько человек сразу направились к столу с анкетами. Другие задержались возле экрана, обсуждая выплаты. Большинство делало вид, что программа их не интересует, но почти каждый замедлял шаг рядом с аккуратно разложенными серыми папками.

Сёма взял две.

— Зачем две? — спросил Артём.

— Одну тебе.

— Я не просил.

— Не заполняй. Просто почитай.

Он протянул папку. Артём хотел отказаться, но заметил на обложке знакомый знак: круг, пересечённый вертикальной линией. Такой же стоял на контейнерах в утреннем грузовом составе.

Он взял папку и перевернул её.

На обратной стороне мелким шрифтом был указан регистрационный адрес координационного фонда. Ни названия города, ни улицы — только цифровой код территории и номер ведомственного узла связи.

— Ты чего? — спросил Сёма.

— Ничего.

Артём сложил папку пополам и убрал в карман рабочей куртки. Это ещё ничего не значило. Один и тот же знак мог использоваться государственным перевозчиком, строительным оператором или целой группой организаций. Однако впервые за долгое время ему захотелось внимательно прочитать документ, который ему предлагали подписать.

После собрания рабочий день вернулся в привычное русло. На складе всё-таки обнаружилась подходящая шестерня, но она предназначалась для другой модели редуктора и отличалась шириной на два миллиметра. Артём отказался ставить её без доработки. Корнеев спорил, требовал хотя бы временно запустить линию, потом ушёл звонить начальнику производства. К трем часам разрешили проточить деталь в инструментальном цехе.

Пока Сёма относил шестерню токарю, Артём остался на участке один. Он разложил детали по порядку, заменил подшипник и начал очищать корпус редуктора от металлической стружки. Работа требовала внимания, но была знакомой и почти успокаивающей. Каждая деталь имела своё место, каждая неисправность — причину. Даже если причина оказывалась неприятной, её можно было найти, измерить и устранить.

С людьми и их обещаниями всё было сложнее.

Серая папка лежала в кармане и мешала, когда Артём наклонялся. Наконец он вынул её и положил на край верстака. Бумага выглядела такой же, как конверт, оставленный утром на полке дома. Плотная, сероватая, без глянца. Возможно, совпадение. Государственные учреждения заказывали канцелярию большими партиями, и одинаковые материалы встречались повсюду.

Он провёл пальцем по эмблеме фонда и вернулся к работе.

К концу смены привод собрали. После пробного запуска редуктор работал ровно, без стука и лишней вибрации. Конвейер включили в пять двадцать, и почти сразу мастер сообщил, что вторую линию оставят работать всю ночь, чтобы наверстать простой. Корнеев выглядел довольным, словно лично изготовил недостающую шестерню.

Артём переоделся, забрал сумку и вышел из проходной. Дождь закончился, но воздух оставался влажным и холодным. Над заводом включились прожекторы, их свет отражался в лужах и на мокрых крышах цехов. Рабочие расходились к остановкам, кто-то садился в старые автомобили, кто-то торопился к электричке.

Сёма догнал Артёма возле моста.

— Ты пешком?

— Пешком.

— Я тоже пройдуся.

Они шли молча, пока заводской шум не остался позади. Город уже темнел. В окнах домов зажигался свет, над магазинами включались редкие вывески, а из вентиляционной шахты хлебного киоска пахло горячим тестом. На площади возле библиотеки всё ещё стояла очередь, хотя пункт выдачи должен был закрыться час назад.

— Я, наверное, анкету заполню, — сказал Сёма.

Артём посмотрел на него.

— Уже решил?

— А что тут решать? В общежитии места нет, живу у тётки, зарплаты хватает только на еду и проезд. Если три месяца отработать, можно хотя бы комнату снять. Может, машину купить.

— Ты даже не знаешь, куда тебя отправят.

— Узнаю на собеседовании.

— А если после собеседования скажут подписывать сразу?

— Не подпишу, если не понравится.

Артём ничего не ответил. Он знал, как подобные решения принимаются на самом деле. Человек приходит просто узнать условия, потом ему показывают сумму, рассказывают о льго-

тах, дают почувствовать себя выбранным среди сотен других. После этого отказ уже кажется не осторожностью, а добровольным возвращением к собственной бедности.

— Ты сам почему папку взял? — спросил Сёма.

— Чтобы ты отстал.

— Врёшь.

— Немного.

Сёма улыбнулся.

— Вот увидишь, через неделю вместе поедem.

— Куда?

— Куда отправят.

— Ты сначала научись индикатор проверять.

Они расстались у сквера. Сёма пошёл к общежитию на другой стороне города, а Артём продолжил путь домой. Вечер был тихим. После дождя звуки распространялись дальше: где-то хлопнула дверь, на соседней улице проехал грузовик, из открытого окна доносилась музыка. Над крышами медленно двигался патрульный дрон, мигая зелёным огнём.

У подъезда Артём вспомнил о Тамаре Ивановне и спустился в подвал. Там было темно, сыро и тесно. Трубы отопления тянулись под потолком, некоторые были обёрнуты старым утеплителем, который давно отсырел и свисал клочьями. Артём нашёл вентиль третьего стояка, выпустил воздух и несколько минут ждал, пока труба нагреется. После этого поднялся к соседке, постучал и сообщил, что батарея должна заработать.

Тамара Ивановна поблагодарила его и попыталась отдать банку варенья. Артём отказался, но она всё равно сунула банку ему в руки.

— Из смородины. Нынче кислая, но с чаем пойдёт.

— У вас самой немного осталось.

— Мне одной много не надо.

Спорить с ней было бесполезно. Артём взял варенье и поднялся на четвёртый этаж.

В квартире было прохладно. Электричество ещё не отключили, но холодильник работал с перебоями, а лампа в коридоре заметно мерцала. Артём поставил банку на кухонный стол, снял куртку и только тогда увидел конверт на полке.

За день он успел почти забыть о нём.

Теперь рядом с серой папкой из фонда конверт выглядел не просто похожим. Бумага была совершенно одинаковой — тот же оттенок, та же шероховатая поверхность, даже края были срезаны под одним углом.

Артём положил папку рядом и некоторое время сравнивал их, будто перед ним находились две детали неизвестного механизма.

После этого он взял нож, аккуратно вскрыл конверт и достал единственный лист.

В верхней части стоял знак координационного фонда.

Ниже было напечатано:

Савельев Артём Викторович.

В соответствии с результатами предварительного профессионального отбора вам предлагается пройти индивидуальное собеседование для участия в федеральной программе «Новый рубеж».

Под текстом указывались дата, время и адрес кабинета в административном корпусе завода.

Собеседование было назначено на следующее утро.

Артём перечитал письмо дважды, затем перевернул лист. Обратная сторона оставалась пустой.

Он не подавал заявления.

Не заполнял анкету.

И до сегодняшнего дня почти ничего не знал о программе.

I (2)

Письмо пролежало на кухонном столе до глубокой ночи.

Артём несколько раз проходил мимо него, ставил рядом кружку, убирал в холодильник контейнер с гречкой, доставал хлеб, возвращал на место банку со смородиновым вареньем, но к листу больше не прикасался. Сам текст он запомнил почти дословно после второго прочтения, хотя ничего особенно сложного в нём не было. Предложение пройти собеседование, название программы, время, номер кабинета. Обычное официальное уведомление, составленное тем сухим языком, который позволял сообщить человеку что угодно, не раскрывая почти ничего.

Необычным оставался только порядок событий.

Сначала его фамилия появилась в каком-то предварительном отборе, о котором он не знал. Потом незнакомый мужчина принёс письмо прямо к квартире. И лишь на следующий день представители фонда приехали на завод, будто заранее были уверены, что нужные им люди уже подготовлены и останется лишь объяснить остальным общие условия.

Артём не любил совпадения не потому, что видел в них скрытый смысл, а потому, что за каждым из них обычно стояла чья-то плохо выполненная работа. Если на складе одновременно терялись две одинаковые детали, почти всегда выяснялось, что их просто неправильно провели по ведомости. Если две линии ломались в одном месте, причиной оказывалась не судьба, а один и тот же некачественный узел. В любой странности существовала последовательность действий, которую можно было восстановить, если знать, куда смотреть.

С письмом этой последовательности пока не было.

Он сел за стол, подвинул к себе лист и внимательно изучил нижнюю часть. Подпись отсутствовала. Вместо неё стоял короткий цифровой код и прямоугольная метка, похожая на машинную маркировку. Артём навёл на неё камеру телефона, но устройство не смогло распознать изображение. После нескольких попыток экран выдал сообщение о том, что доступ к внешнему реестру ограничен.

Он положил телефон рядом и снова перечитал первую строку.

В соответствии с результатами предварительного профессионального отбора...

Какие результаты? Какого отбора?

Завод располагал его личным делом, сведениями об образовании, медицинских допусках и квалификации. Теоретически руководство могло передать эти данные фонду без отдельного согласия, сославшись на федеральную программу. В последние годы подобные решения принимали всё чаще. Государственные учреждения, банки, предприятия и медицинские центры обменивались информацией через общие узлы, а подпись человека требовалась только там, где он соглашался нести ответственность. Чтобы его куда-то пригласить, разрешения не спрашивали.

Внизу письма указывалось, что неявка не влечёт никаких последствий и будет расценена как отказ от участия.

Эта строчка понравилась Артёму больше остальных.

Он сложил лист вдвое, убрал обратно в конверт и положил на край стола. На собеседование он не пойдёт. По крайней мере, не завтра. Если фонду действительно требовался специалист его профиля, никто не мешал назначить другую встречу и сначала нормально объяснить, что именно предлагается. А если второго приглашения не будет, значит, и разговаривать было не о чем.

Решение оказалось настолько простым, что после него мысли о письме почти сразу потеряли прежнюю тяжесть. Артём вымыл посуду, хотя обычно оставлял её до утра, проверил батарею в комнате и долго возился с нижней защёлкой окна, сквозь которую тянуло холодом. На улице дождь снова усилился. Вода дробно стучала по металлическому отливу, ветер прижимал ветви тополя к стене, и временами по стеклу проходил тихий скребущий звук.

Перед сном Артём завёл будильник и поставил его на прежнее место. Телефон он оставил заряжаться на кухне. Конверт лежал рядом с хлебницей и в темноте почти не отличался от поверхности стола.

Утром он вышел из дома раньше обычного.

Погода за ночь изменилась. Дождь прекратился, на асфальте застыла тонкая корка льда, а трава возле подъезда побелела от первого заморозка. Небо оставалось облачным, но свет стало ярче, и город на несколько часов приобрёл резкие, непривычно чёткие очертания. На крышах блестела вода, над трубами поднимался пар, редкие деревья стояли почти без листьев.

На остановке было многолюднее, чем накануне. Один из утренних маршрутов отменили из-за неисправности зарядной станции, и люди молча ждали следующий автобус, заранее понимая, что в салоне не хватит места. Артём мог пойти пешком, но не торопился. До начала смены оставалось больше часа.

Он стоял возле края навеса и наблюдал, как дворник сыплет обледеневший тротуар серой смесью песка и переработанного шлака. Работа была автоматизирована только в центре города; в жилых районах по-прежнему использовали тележки, лопаты и деревянные совки. Дворник двигался неторопливо, обходя лужи и время от времени останавливаясь, чтобы согреть руки дыханием.

Когда автобус наконец подошёл, двери открылись перед плотной группой пассажиров. Внутри пахло влажной одеждой, пластиком и дешёвым кофе из автомата возле конечной. Артём встал у задней площадки, держась за холодный поручень. Его несколько раз толкнули на поворотах, кто-то наступил на ботинок, но никто не извинился. Люди были ещё сонными и воспринимали чужое присутствие как неизбежную часть дороги.

К заводу он приехал за двадцать минут до смены.

На проходной ничего не изменилось. Тот же экран с производственными показателями, те же плакаты, та же очередь перед камерами. Только возле стенда программы «Новый рубеж» появился небольшой стол, за которым сидела молодая женщина с электронным журналом. Перед ней лежали серые папки и несколько стопок анкет.

Артём прошёл мимо, не замедлив шага.

Женщина подняла глаза, будто собиралась обратиться к нему, но затем посмотрела в журнал и промолчала.

В раздевалке Сёма не было. Его шкафчик оставался закрытым, а на верхней полке лежала забытая вчера рабочая кепка. Артём заметил её только потому, что Сёма почти всегда носил кепку задом наперёд, за что регулярно получал замечания от мастера. Он мог опаздывать, хотя раньше это случалось редко. Обычно Сёма прибегал за несколько минут до начала смены, запыхавшийся, с расстёгнутой курткой и булкой в руке.

Артём переоделся и отправился на участок.

Привод, отремонтированный накануне, продолжал работать. Согласно ночному отчёту, линия остановилась только один раз, и причиной оказался датчик положения на другом конце конвейера. На верстаке лежали новые заявки: неисправная зарядная станция погрузчика, перегрев двигателя вытяжки и сбой в системе контроля третьего сварочного поста. Ничего сложного, но каждой поломкой следовало заняться до того, как она потянет за собой следующую.

К началу смены Сёма не появился.

Корнеев пришёл с планшетом и, не обнаружив молодого рабочего, нахмурился.

— Лыткин где?

— Не знаю.

— Не звонил?

— Мне нет.

Мастер открыл табель.

— Вчера ушёл нормально?

— Вместе до сквера дошли.

— Пил?

— Не видел.

Корнеев отметил отсутствие и убрал планшет под мышку.

— Позвоню в отдел кадров. Может, на обследование по программе ушёл.

Артём вспомнил две серые папки в руках Сёмы.

— В рабочее время?

— Они собеседования с утра проводят. Тем, кто записался, вроде разрешили.

— Он говорил, что записался?

— Он много чего говорит.

Корнеев ушёл, а Артём набрал номер Сёмы. После нескольких длинных гудков связь оборвалась. Повторная попытка дала тот же результат. Телефон был включён, но никто не отвечал.

Особого беспокойства это не вызвало. Сёма мог проспать, забыть телефон в комнате или действительно отправиться на собеседование. Молодые работники исчезали на полдня по самым разным причинам, а потом являлись с объяснениями, которые казались им убедительными.

К девяти утра Корнеев сообщил, что в отдел кадров Сёма не обращался. В списках на медицинское обследование его фамилии тоже не оказалось.

— Значит, прогулял, — заключил мастер. — Завтра объяснительную напишет.

Артём кивнул и вернулся к зарядной станции.

Её корпус находился возле ворот, где сквозняк постоянно заносил внутрь влагу. Нижние контакты покрылись зелёным налётом, один силовой разъём нагревался, а кабель кто-то несколько раз перетягивал изолентой вместо того, чтобы заменить повреждённый участок. Артём отключил питание, снял крышку и почти два часа очищал соединения, проверяя сопротивление каждой линии. Работа требовала терпения и позволяла не думать ни о Сёме, ни о письме, ни о программе.

Перед обедом он снова позвонил.

На этот раз автоматический голос сообщил, что абонент временно недоступен.

В столовой о программе говорили за каждым вторым столом. Представители фонда проводили собеседования в административном корпусе, и несколько рабочих уже успели вернуться оттуда. Одни рассказывали, что вопросы были обычными: состояние здоровья, семейное положение, опыт работы, готовность к длительному пребыванию вдали от дома. Другие уверяли, что их спрашивали о страхе замкнутых пространств, способности обходиться без часов и привычке запоминать маршруты.

— Врёт он всё, — сказал сварщик, сидевший за соседним столом. — Какие ещё часы? Им рабочие нужны, а не космонавты.

— Меня спросили, — возразил мужчина из транспортного участка. — Прямо так и спросили: сможете ли вы выполнять обязанности без доступа к точному времени.

— И что ответил?

— Сказал, что смогу, если платить будут.

За столом засмеялись.

Артём ел медленно и почти не участвовал в разговоре. Серая папка осталась в шкафчике. Утреннее собеседование, назначенное в письме, уже прошло без него. Никто не пришёл на

участок, не позвонил и не потребовал объяснений. Значит, предупреждение о добровольности хотя бы в этой части соответствовало действительности.

После обеда его вызвали к третьему сварочному посту. Система контроля отключала оборудование через несколько секунд после запуска, хотя все параметры оставались в норме. Причина нашлась в старом датчике тока, который выдавал случайные скачки. Запасного прибора не оказалось, и Артёму пришлось снимать аналогичный датчик с законсервированного поста в соседнем корпусе.

В законсервированной части завода было холодно и непривычно тихо. Освещение включалось через одну лампу, вдоль стен стояли накрытые плёнкой станки, а на бетонном полу сохранились следы шин и старой металлической стружки. Когда-то здесь работали две смены. Теперь оборудование постепенно разбирали, отправляя исправные узлы на действующие линии.

Артём нашёл нужный шкаф, снял датчик и уже собирался уходить, когда заметил на дальней стене свежую маркировку. Тот же знак — круг, пересечённый вертикальной линией. Его нанесли белой краской поверх старого номера участка.

Рядом стояли четыре больших контейнера, которых здесь не было ещё неделю назад.

Они были заперты, а на боковых панелях отсутствовали обычные транспортные данные. Только эмблема и цифровые коды. Артём подошёл ближе, провёл пальцем по краю одного из контейнеров и обнаружил, что металл ещё не успел покрыться заводской пылью. Их доставили совсем недавно.

Из-за перегородки слышались шаги.

Артём обернулся. В проходе стоял сотрудник службы безопасности в тёмной форме. Он ничего не сказал, только посмотрел сначала на Артёма, затем на контейнеры.

— Датчик снимаю, — объяснил Артём и поднял деталь.

Сотрудник кивнул в сторону выхода.

Никакого запрета здесь не висело, однако оставаться не имело смысла. Артём прошёл мимо него и вернулся в действующий корпус. Через несколько минут он уже устанавливал датчик на сварочный пост и думал о том, что новые контейнеры могли принадлежать фонду. Представители программы осматривали завод несколько дней и, вероятно, заказывали оборудование для будущих объектов.

Объяснение было простым и вполне достаточным.

К концу смены Сёма так и не появился.

Корнеев оформил отсутствие как прогул и несколько раз позвонил по номеру, указанному в личном деле. Ему тоже никто не ответил. Адрес общежития находился на другом конце города, и мастер пообещал отправить туда кого-нибудь из отдела кадров, если Сёма не выйдет на связь до утра.

— Может, у тётки своей, — сказал он. — Молодой, дурной. Влюбился, напился или уехал куда-нибудь. Завтра придёт.

Артём не стал спорить. Ничего действительно серьёзного пока не произошло. Один пропущенный день ещё не превращал человека в пропавшего.

После работы он снова прошёл мимо административного корпуса. Возле входа стояло несколько человек с серыми папками. Молодой мужчина заполнял анкету прямо на подоконнике, женщина с седыми волосами спорила с представителем фонда о медицинской страховке, а в коридоре за стеклянными дверями медленно двигалась очередь.

Артём задержался на несколько секунд, но внутрь не вошёл.

Домой он вернулся пешком. Погода оставалась холодной, однако заморозок отступил, и город снова наполнился влагой. По обочинам лежала грязная листва, из водосточков капало, фонари отражались в мокром асфальте длинными жёлтыми полосами. Возле рынка торговцы сворачивали навесы и убирали ящики с овощами. На площади работал передвижной пункт

фонда: серый микроавтобус без номерных знаков, складной стол, несколько экранов и двое сотрудников в одинаковых плащах.

Людей возле него было много.

Артём прошёл мимо, не рассматривая объявления.

Дома его ждал второй конверт.

Он лежал не на полу и не был просунут в щель под дверь. Конверт находился на полке рядом с первым, аккуратно положенный поверх серой папки. Артём остановился в коридоре, не снимая куртки.

Утром на этом месте ничего не было.

Дверь оставалась запертой, замок не имел повреждений. Окна были закрыты. Тамара Ивановна могла взять письмо у курьера, но войти в квартиру без ключа не могла. Запасной комплект находился у сестры, жившей в другом городе.

Артём поднял конверт. На лицевой стороне снова было напечатано его имя.

Внутри лежал такой же лист, только дата собеседования изменилась. Теперь его приглашали через два дня.

Ни объяснений, ни упоминания о пропущенной встрече.

Артём спустился к Тамаре Ивановне. Она открыла не сразу и долго возилась с цепочкой.

— Вам сегодня никто письмо не передавал?

— Нет.

— В подъезде чужих не видели?

— Днём двое ходили. Счётчики проверяли.

— Какие счётчики?

— Не знаю. Ко мне не заходили. На пятом этаже были.

— Как выглядели?

— Серые плащи. Один высокий, второй пониже. Нормальные люди.

— Они представлялись?

Тамара Ивановна задумалась.

— Таблички показывали. Я без очков не разглядела.

— В мою квартиру они заходили?

— Откуда мне знать, Артём? Я у двери весь день не стою.

Он поблагодарил соседку и вернулся домой.

Второй конверт он не выбросил. Положил рядом с первым и долго сидел на кухне, не включая верхний свет. Работала только маленькая лампа над плитой, отчего большая часть комнаты оставалась в тени. За стеной включили телевизор, по трубам прошёл шум воды, во дворе несколько раз хлопнула автомобильная дверь.

Артём достал телефон и снова набрал Сёму.

Номер оставался недоступен.

На следующий день его шкафчик по-прежнему был закрыт.

Кепка лежала на прежнем месте.

Корнеев уже не ругался. Утром он вызвал сотрудницу отдела кадров, и та сообщила, что вечером заходила в общежитие. Комната Сёмы оказалась запертой. Соседи видели его накануне после смены: он переоделся, взял документы и примерно через час ушёл. Куда именно — никому не сказал. Тётка, у которой он иногда оставался, утверждала, что племянник у неё не появлялся.

— В полицию сообщили? — спросил Артём.

— Отдел кадров говорит, рано, — ответил Корнеев. — Совершеннолетний. Может, загулял. Может, на программу подписался и уехал.

— За одну ночь?

— Сейчас всё быстро оформляют.

— Его нет в списках.

— В каких списках?

— На собеседование и обследование.

Корнеев посмотрел на него внимательнее.

— Ты откуда знаешь?

— Вчера спрашивали.

— Кто?

— Неважно.

Мастер потёр переносицу и посмотрел на пустой верстак Сёмы.

— Если сегодня не объявится, вечером заявление подадим. Хотя сам понимаешь, что искать его сразу никто не бросится.

Артём понимал.

В городе ежедневно исчезали люди, и большинство находилось самостоятельно: у родственников, в больницах, вытрезвителях, временных пунктах занятости или на вокзале с билетом в другой регион. Полиция начинала серьёзный поиск только тогда, когда появлялись признаки преступления или пропавшим оказывался ребёнок.

Но Сёма оставил в шкафчике кепку, рабочие перчатки и зарядное устройство. На участке лежала его кружка с засохшим чайным следом. Он не забрал расчётные документы, не предупредил мастера и не сказал Артёму, что куда-то уезжает, хотя ещё вечером шутил, будто они вместе отправятся на новый контракт.

Во время обеда Артём пошёл в административный корпус.

Не на собеседование. Пока только спросить.

На втором этаже работали три кабинета фонда. Возле первого стояла очередь, возле второго проводили регистрацию, третий был закрыт матовым стеклом. Девушка за стойкой попросила назвать фамилию и дату рождения.

— Савельев Артём Викторович.

Она ввела данные в терминал. На экране что-то изменилось, и её лицо на мгновение стало внимательнее.

— Вы пропустили назначенную встречу.

— Я знаю.

— Новая встреча назначена на послезавтра, десять тридцать.

— Я письмо получил.

— Тогда в чём вопрос?

— Лыткин Семён Олегович проходил у вас собеседование?

Девушка не сразу ответила.

— Вы являетесь родственником?

— Работаем вместе. Он два дня не выходит на связь.

— Информация об участниках программы конфиденциальна.

— Значит, он участник?

— Я этого не сказала.

— Тогда скажите, был он здесь или нет.

— Я не могу обсуждать данные другого гражданина.

Артём положил руки на край стойки.

— Мне не нужны данные. Просто подтвердите, что он приходил.

Девушка снова посмотрела в терминал, хотя фамилию Сёмы Артём произнёс только один раз. Пальцы её не двигались. Возможно, нужная информация уже находилась перед ней.

— Обратитесь в отдел кадров вашего предприятия, — произнесла она. — Или в органы внутренних дел.

— Отдел кадров отправил меня сюда.

— Тогда обратитесь в органы внутренних дел.

Говорила она спокойно, не грубила и не пыталась закончить разговор. От этого её ответы раздражали сильнее. Они были заранее подготовлены так, чтобы не содержать ни подтверждения, ни отрицания.

— У него была анкета вашей программы, — сказал Артём. — Вечером он ушёл из общест-
жития с документами. Утром не появился на работе. Я хочу понять, приходил ли он сюда.

— Подписание анкеты не означает участия.

— Я спрашиваю не об участии.

— Я услышала ваш вопрос.

— И?

— И не могу предоставить запрошенную информацию.

Из очереди за спиной донёсся недовольный вздох. Артём отступил от стойки. Скандал ничего бы не изменил. Девушка следовала инструкции и, возможно, действительно не имела права отвечать.

— На моё собеседование вы тоже заранее получили сведения?

— Ваш профиль был сформирован системой профессионального отбора.

— На каком основании?

— На основании сведений, предоставленных работодателем и государственными инфор-
мационными системами.

— Кто отобрал именно меня?

— Система.

— У системы есть название?

— Федеральный аналитический комплекс распределения кадров.

— И человек, который отвечает за его решения?

Девушка впервые улыбнулась, но улыбка получилась усталой.

— За решения системы отвечают уполномоченные операторы. Все сведения о порядке
отбора содержатся в материалах, которые вы получите во время собеседования.

— Значит, чтобы узнать, почему меня пригласили, я должен согласиться прийти?

— Прийти на собеседование не означает согласиться на участие.

Она произнесла это без нажима, словно напоминала простую вещь, которую Артём сам
усложнял.

На выходе он заметил мужчину в серой форме, присутствовавшего на собрании. Тот
стоял у окна и разговаривал с директором предприятия. Форменная куртка не имела погон или
ведомственных знаков, только небольшую эмблему фонда на воротнике. Мужчина проводил
Артёма взглядом, но разговор не прервал.

После возвращения на участок Артём обнаружил, что на его верстаке лежит Сёмина
серая папка.

Он был уверен, что молодой рабочий унёс её с собой. Вчера утром папки здесь не было,
иначе Артём заметил бы её среди инструмента. Теперь она лежала точно посередине стола,
чистая, без масляных пятен и пыли.

Внутри находилась незаполненная анкета.

На последней странице, в графе для личной подписи, простым карандашом было напи-
сано одно слово:

«Поеду».

Почерк принадлежал Сёме. Артём видел его записи в ведомостях и не мог ошибиться.

Ни даты, ни подписи рядом не было.

Артём не сразу взял папку в руки. Несколько секунд он стоял возле верстака и смотрел на написанное слово, пытаясь вспомнить, когда мог видеть её в последний раз. Накануне после собрания Сёма нёс обе папки под мышкой. Одну отдал Артёму возле выхода из столовой, вторую оставил себе и, кажется, убрал в сумку ещё до возвращения на участок. Утром на верстаке лежали только инструменты и заявки ночной смены. Позднее Артём уходил в законсервированный корпус, потом работал возле сварочного поста и почти не возвращался к своему месту до самого вечера, однако участок не пустовал. Здесь проходили слесари, мастера, кладовщики, сотрудники соседних служб. Любой из них мог принести папку, найденную в раздевалке, столовой или административном корпусе, и оставить там, где обычно работал её владелец.

Это объяснение устранило почти всё, кроме одного: почему тот, кто принёс папку, не сказал ни слова.

Артём взял её за край и перелистал страницы. Анкета оставалась чистой. Вопросы были напечатаны мелко и занимали шестнадцать листов: образование, профессиональные навыки, хронические заболевания, перенесённые операции, семейное положение, финансовые обязательства. Затем начинались пункты, которые меньше походили на обычное трудоустройство. Участника просили указать, как долго он способен находиться в изоляции, испытывает ли тревогу при отсутствии связи, замечает ли повторяющиеся звуки, умеет ли ориентироваться по местности без электронных устройств, способен ли оказать физическое сопротивление человеку, угрожающему его жизни или жизни других. В нескольких местах предлагалось выбрать один из двух вариантов, хотя ни один не выглядел правильным.

Что вы предпочтёте при непосредственной опасности: укрыться самостоятельно или предупредить находящихся рядом людей?

Считаете ли вы допустимым оставить пострадавшего, если помощь ему создаёт угрозу для группы?

Какой уровень неопределённости вы способны переносить без снижения работоспособности?

Артём дошёл до последней страницы. Слово «Поеду» было написано размашисто, с сильным нажимом на карандаш. Буква «П» получилась чуть наклонённой, хвост у «у» уходил ниже строки. Сёма всегда писал торопливо, словно боялся, что мысль исчезнет раньше, чем он успеет перенести её на бумагу. В ремонтных ведомостях из-за этого приходилось переспрашивать, какие именно цифры он указал. Здесь сомнений не возникало.

Под словом виднелся неглубокий след от другой надписи. Кто-то писал на листе, лежащем поверх этой страницы, и карандаш продавил бумагу. Артём поднёс её к лампе, изменил угол, но разобрать удалось только отдельные прямые линии. Тогда он положил страницу на верстак, накрыл тонкой калькой из шкафа с чертежами и легко провёл по ней боковой стороной графитового стержня. Постепенно проявились светлые пробелы, складывавшиеся в цифры.

Сначала шли четыре числа, разделённые точками. Вероятно, дата. Ниже — короткая последовательность из букв и цифр. Последнюю строку разобрать не удалось, но она заканчивалась числом **17**.

— Ты что делаешь?

Артём поднял голову. У перегородки стоял Корнеев.

— Смотрю его анкету.

Мастер вошёл на участок, снял каску и положил на край соседнего верстака. За последние два дня он заметно осунулся, хотя, возможно, причиной был не Сёма, а производственное совещание, продолжавшееся почти всё утро. Под глазами у него залегли серые тени, на воротнике рабочей куртки осталось небольшое масляное пятно.

— Откуда она взялась?

— Здесь лежала.

— Кто принёс?

— Не знаю.

Корнеев посмотрел на слово внизу страницы и нахмурился.

— Его почерк?

— Да.

— Может, всё-таки уехал.

— Куда? Программа ещё набирает людей. Даже обследования не закончились.

— У них могут быть разные группы.

— Тогда фонд подтвердил бы, что он у них.

— Они тебе ничего не обязаны подтверждать.

Артём убрал графитовый стержень и показал проявившиеся отпечатки.

— Тут что-то писали поверх анкеты.

Корнеев наклонился, долго рассматривал цифры, затем выпрямился.

— И что это доказывает?

— Ничего. Пока ничего.

— Вот именно. Мы уже сообщили в полицию. Заявление приняли, данные передали в транспортные узлы и больницы. Если его где-нибудь отметят, узнаем.

— Кто заявление подал?

— Отдел кадров от имени предприятия. Я подписал характеристику.

— В общежитии ещё раз были?

— Были. Комнату открыли при коменданте. Документов нет, рюкзака нет, часть одежды тоже забрал. Деньги со счёта не снимал.

— Телефон?

— Сигнал последний раз зарегистрирован возле административного корпуса завода позавчера вечером. Потом устройство отключилось.

Артём медленно положил папку на стол.

— После смены?

— В восемнадцать сорок две. Камеры на входе его не зафиксировали. По крайней мере, служба безопасности так говорит.

— Телефон был возле корпуса, а сам он внутрь не заходил?

— Может, прошёл через боковую дверь. Может, оставил телефон кому-то. Может, данные ошибочные. Артём, я понимаю, что он твой напарник, но не надо собирать из этого детектив. Парень взял документы и одежду. Это больше похоже на добровольный отъезд, чем на похищение.

Слово прозвучало излишне громко. Несколько рабочих за перегородкой обернулись, но, не услышав продолжения, вернулись к своим делам.

— Я про похищение ничего не говорил.

— Пока не говорил.

Корнеев взял папку, пролистал первые страницы и задержался на вопросах о поведении при опасности.

— Муть какая-то.

— На собрании про это не рассказывали.

— На собеседовании, может, объясняют.

— Ты сам пойдёшь?

Мастер закрыл папку и вернул её Артёму.

— У меня двое детей, ипотека и мать после инсульта. Я бы пошёл куда угодно, если бы точно знал, что получу обещанные деньги. Но когда сумма большая, а условия прячут до последней страницы, обычно выясняется, что платят не за тяжёлую работу. Платят за риск, о котором не хотят говорить заранее.

Он надел каску и направился к выходу, но возле перегородки остановился.

— Сегодня вечером полиция может зайти на участок. Ничего здесь не трогай и папку им покажи. И ещё: если фонд снова позовёт тебя, сходи. Не подписывай ничего, просто послушай. Иногда легче получить ответ изнутри, чем стоять у двери и гадать.

После ухода мастера Артём убрал анкету в верхний ящик верстака и закрыл его на ключ. Решение показалось странным: папка не являлась собственностью завода и могла принадлежать Сёме, но оставлять её на открытом месте больше не хотелось. В течение следующего часа он несколько раз возвращался мыслями к цифрам, проявившимся на бумаге. Дата совпадала с днём исчезновения Сёмы. Код мог обозначать кабинет, маршрут, номер договора или что угодно ещё. Число семнадцать не объясняло ничего.

В начале четвёртого на участок пришли двое сотрудников полиции. Один оказался знаком Артёму по виду: невысокий мужчина с редкими волосами и тяжёлым лицом несколько раз приезжал на завод после краж кабеля. Второй был моложе, в новой форме и с небольшим нагрудным регистратором. Они представились, попросили отойти в подсобное помещение и включили запись.

Вопросы были обычными. Когда Артём видел Сёму в последний раз, о чём они разговаривали, употреблял ли тот алкоголь, имел ли долги, конфликты, романтические отношения, родственников за пределами города. Артём отвечал подробно, не пытаясь додумывать то, чего не знал. Он рассказал об анкете, намерении Сёмы записаться на программу и вечерней дороге до сквера. Упомянул, что молодой рабочий шутил о совместной поездке, но не говорил о готовом контракте.

— Состояние у него было обычное? — спросил старший сотрудник.

— Обычное.

— Подавленным не выглядел?

— Нет.

— Возбуждённым?

— Он почти всегда такой.

— В каком смысле?

— Быстро говорит, много шутит, строит планы. В тот вечер ничем не отличался.

Молодой полицейский просматривал записи на планшете.

— Ранее уходил из общежития без предупреждения?

— Не знаю. На работу без звонка не пропадал.

— Он мог уехать добровольно, чтобы избежать долгов или обязательств?

— У него не было серьёзных долгов. По крайней мере, он не говорил.

— Азартные игры?

— В карты играл в телефоне. На деньги — не видел.

— Конфликты с кем-то на предприятии?

Артём вспомнил, как Сёма спорил с кладовщиком, как мастер ругал его за технику безопасности, как рабочие подшучивали над его неопытностью. Ничего из этого не выходило за рамки обычных отношений в цехе.

— Нет.

Тогда он достал папку.

Старший сотрудник надел тонкие перчатки, осмотрел обложку, сфотографировал страницы и отдельно — слово «Поеду». Отпечатки карандашной записи его заинтересовали меньше.

— Вы сами это проявляли?

— Да.

— Зачем?

— Хотел понять, что написано.

— Теперь уже не установить, какие следы были изначально, а какие оставили вы.

— Я не писал на самой странице.

— Я понимаю. Но кальку вы накладывали, карандашом проводили. Это изменение поверхности.

Говорил он без обвинения, скорее привычно фиксировал то, что в дальнейшем могло повлиять на проверку.

— Папку где нашли?

— На моём верстаке.

— Когда?

— Сегодня после обеда.

— Кто мог положить?

— Любой, кто заходит на участок.

— Камеры есть?

Корнеев, присутствовавший при разговоре, покачал головой.

— Над проходом одна, но она третий месяц не работает. Заявка подана.

Молодой полицейский уточнил:

— Когда вы в последний раз точно видели эту папку у Лыткина?

— После собрания, — ответил Артём. — Он взял две. Одну дал мне, вторую оставил себе.

— В общежитии среди его вещей такой папки не нашли.

— Значит, она могла быть при нём.

— Или он оставил её здесь раньше.

— Я бы заметил.

Старший сотрудник закрыл папку и положил в прозрачный пакет.

— Мы её изыщем. Если понадобится, вернём после проверки.

— Вы связывались с фондом?

На этот раз полицейские переглянулись. Едва заметно, но Артём успел это заметить.

— Направлен официальный запрос, — ответил старший.

— И?

— Официальный запрос рассматривается в установленный срок.

— Они подтвердили, что Сёма у них?

— На данный момент сведений, подтверждающих участие Лыткина Семёна Олеговича в программе «Новый рубеж», не получено.

Формулировка почти дословно повторяла манеру девушки за стойкой. Она не означала ни того, что Сёмы в программе нет, ни того, что фонд действительно проверил свои списки.

— Его телефон последний раз был возле административного корпуса, — сказал Артём.

— Откуда вам известно?

Корнеев слегка кашлянул.

— Я ему сообщил.

Старший полицейский посмотрел на мастера, но замечания не сделал.

— Последняя регистрация устройства действительно произошла в районе предприятия. Точность определения составляет несколько сотен метров. В эту область попадают административный корпус, проходная, часть парковки и общественная остановка. Это не позволяет установить конкретное место.

— Камеры на проходной?

— Изучаются.

— На остановке?

— Там камера не работала.

Корнеев тихо усмехнулся без веселья.

— У нас ничего не работает вовремя.

Полицейский убрал пакет с папкой в сумку.

— По имеющимся данным, гражданин подготовился к поездке: забрал документы, часть одежды и личный рюкзак. Признаков насильственного проникновения в его комнату нет. Мы проверяем транспортные терминалы, медицинские учреждения и временные пункты размещения. Если он свяжется с вами, не пытайтесь самостоятельно выяснять обстоятельства. Уточните, где находится, и сообщите нам.

— А если он уехал с фондом? — спросил Артём.

— Тогда после получения официального подтверждения проверка будет завершена.

— Даже если он никого не предупредил?

— Совершеннолетний гражданин имеет право уехать, не предупреждая коллег.

Полицейские ушли примерно через полчаса. После них в подсобке остался запах мокрой формы и небольшой прямоугольный след на пыльном столе, где лежал пакет с анкетой.

До окончания смены Артём работал хуже обычного. Он дважды перепроверял простые соединения, забыл внести заменённый предохранитель в ведомость и едва не отправил Сёме сообщение с просьбой принести ключ на семнадцать. Палец уже коснулся имени в списке контактов, когда он вспомнил, что телефон недоступен третий день.

В половине шестого в цехе погас свет.

Сначала отключились верхние лампы, затем остановилась вентиляция. Машины замерли не одновременно: одни прекратили работу сразу, другие завершили цикл и только после этого опустили манипуляторы в исходное положение. Несколько секунд продолжали вращаться вентиляторы двигателей, постепенно теряя скорость. В корпусе стало непривычно тихо.

Почти сразу включилось аварийное освещение. Узкие красноватые полосы вдоль стен обозначили проходы и выходы. Рабочие остались на местах, ожидая объявления. Подобные отключения происходили регулярно, однако обычно завод заранее получал график и переходил на резервное питание без полной остановки.

Из громкоговорителей донёсся щелчок, затем голос диспетчера:

— Внимание персоналу. Произошло внешнее ограничение энергоснабжения. Сохраняйте рабочие места. Запуск резервной линии ожидается в течение десяти минут.

Корнеев появился на участке с переносной лампой.

— Всё обесточили?

— Автоматы сняты, — ответил Артём.

— К воротам не ходите. Там погрузчик встал посреди проезда.

В темноте завод выглядел иначе. Исчез привычный слой шума, скрывавший небольшие звуки. Стало слышно, как с крыши капает вода, как остывает металл, как в трубах с тихим постукиванием меняется давление. Где-то далеко хлопнула дверь. Затем по полу прошла слабая вибрация, словно в соседнем корпусе запустили тяжёлый двигатель.

Артём прислушался.

Вибрация повторилась. Она шла не со стороны действующих линий, а из законсервированной части, где стояли новые контейнеры.

— Резервный генератор? — спросил кто-то за перегородкой.

— Генератор с другой стороны, — ответил Корнеев.

Снова послышался низкий гул. Он длился несколько секунд и оборвался. Аварийные лампы на мгновение стали ярче, потом вернулись к прежнему уровню.

Через восемь минут основное освещение включилось. Вентиляция ожила, терминалы начали перезагружаться, на панелях оборудования замигали индикаторы. Диспетчер сообщил о восстановлении питания и разрешил последовательный запуск линий.

Артём подошёл к окну, выходящему во внутренний двор. Возле законсервированного корпуса стояли два серых грузовика. Раньше их там не было. Задние двери одного оставались открытыми, рядом двигались люди в одинаковых плащах. Из-за расстояния и мокрого стекла

невозможно было понять, что именно они выгружали или забирали. Один из контейнеров, виденных Артёмом накануне, теперь стоял на автономной платформе.

На его боковой панели горел небольшой жёлтый номер.

17.

Платформа медленно въехала в грузовик. Двери закрылись. Один из людей поднял голову и посмотрел в сторону окна, хотя снаружи едва ли мог разглядеть кого-то в освещённом цехе.

Артём отошёл от стекла.

До конца смены оставалось двадцать минут. Он не стал рассказывать Корнееву о номере. Связь между отпечатком на анкете и контейнером могла оказаться случайной, а после разговора с полицией Артём особенно ясно понял, насколько легко превратить несколько совпадений в историю, которая существует только в голове того, кто её собирает.

В раздевалке он обнаружил, что Сёмин шкафчик открыт.

Дверца была распахнута, кепка исчезла. На полке больше не лежали перчатки и зарядное устройство. Внутри осталась только пустая пластиковая бутылка и старый журнал инструктажа, который принадлежал предприятию.

— Кто открывал? — спросил Артём у дежурного.

Тот пожал плечами.

— Отдел кадров, наверное. Или полиция.

— Они вещи забрали?

— Я не следил. У меня тридцать шкафов открывали за месяц.

Артём закрыл дверцу. Замок не был сломан. Его открыли ключом.

На проходной стол программы пустовал. Серые папки убрали, молодая женщина исчезла. Плакат «Нового рубежа» по-прежнему висел на стенде, но поверх нижней части наклеили белую полосу с новой надписью:

ПЕРВИЧНЫЙ НАБОР ЗАВЕРШЁН.

Ниже мелким шрифтом сообщалось, что индивидуальные собеседования по ранее выданным приглашениям продолжаются согласно назначенному графику.

Артём вышел за ворота и остановился под фонарём. Следующая встреча была назначена на завтра, на десять тридцать. До этого момента он собирался игнорировать приглашение ещё несколько дней, дожидаться третьего письма, заставить неизвестных сотрудников объяснить, почему они так настойчиво выбирают именно его.

Теперь ждать казалось бессмысленным.

Утром он пойдёт на собеседование.

Не из-за денег и не потому, что поверил обещаниям программы. Ему требовалось узнать, видел ли кто-нибудь Сёму после того вечера и почему рядом с фондом постоянно появлялось число семнадцать.

Домой Артём вернулся уже после семи. В подъезде не горело освещение, и до четвёртого этажа пришлось подниматься, подсвечивая ступени телефоном. На площадке возле его двери стояла Тамара Ивановна. Она держала в руках небольшую тарелку, накрытую полотенцем.

— Пирог принесла, — сказала соседка. — С капустой. Пока тёплый.

— Спасибо. Вы меня ждали?

— Минут пять всего.

Артём открыл дверь и включил свет. Лампа в коридоре мигнула, но загорелась. Он взял тарелку, поставил на тумбу и уже собирался попрощаться, когда Тамара Ивановна тихо добавила:

— Твой молодой знакомый приходил.

Артём повернулся.

— Какой знакомый?

— Тот, про которого ты спрашивал. Худенький, светлый. С тобой как-то заходил летом, когда вы батареею смотрели.

Сёма действительно помогал ему менять клапан в подвале несколько месяцев назад.

— Когда он приходил?

— Сегодня. После обеда, наверное. Я задремала, потом стук услышала. Вышла — он возле твоей двери стоит.

— Что делал?

— Ничего. Просто стоял.

— Вы с ним говорили?

— Спросила, тебя ли ждёт. Он сказал, что нет. Потом попросил передать, что всё хорошо.

— Так и сказал?

— Да. «Передайте Артёму Викторовичу, что всё хорошо». Вежливый такой. Только бледный очень.

— Куда ушёл?

— Вниз. Я сразу дверь закрыла. Хотела тебе позвонить, но номер не нашла.

Артём достал телефон и открыл фотографию Сёмы, сделанную в цехе несколько недель назад. На снимке тот сидел на верстаке, держал в руках слишком большой разводной ключ и улыбался в камеру.

— Он?

Тамара Ивановна надела очки, приблизила экран и кивнула.

— Он. Только сегодня волосы мокрые были и одежда другая. Серая куртка, без рабочей нашивки.

— Один приходил?

— Один.

— Ничего не оставил?

— Не видела.

Артём поблагодарил её и вошёл в квартиру. Первым делом он проверил полку под зеркалом.

Конверты исчезли.

Оба.

Серая папка Артёма лежала там же, где утром, но письма, которые он специально оставил под ней, пропали. На замке снова не было следов. Остальные вещи находились на своих местах. Деньги в ящике, документы, старый планшет, инструменты — никто к ним не прикасался.

Он осмотрел комнаты, заглянул под кровать, проверил балкон и окно на кухне. Понимал, насколько нелепо это выглядит: если Сёма действительно приходил, он мог просто дождаться возле двери, оставить сообщение и уйти. Но тогда кто вошёл в квартиру и забрал только два письма фонда?

Телефон Сёмы по-прежнему был отключён.

Артём набрал полицию и попросил соединить его с сотрудником, проводившим опрос на заводе. Дежурный записал информацию и пообещал передать. Через двадцать минут перезвонил молодой полицейский. Он выслушал рассказ, уточнил время визита и спросил, уверена ли соседка в опознании.

— Уверена.

— Камера в подъезде есть?

— Нет.

— Соседи ещё видели?

— Пока не спрашивал.

— Вещи из квартиры пропали?

— Два письма.

— Ценные?

— Приглашения на собеседование.

На другом конце возникла пауза.

— От фонда?

— Да.

— Вы дверь запирали утром?

— Конечно.

— Кто ещё имеет ключ?

— Сестра. Она живёт в четырёхстах километрах отсюда.

— Следов проникновения нет?

— Нет.

— Тогда до нашего приезда ничего не трогайте. Наряд сегодня может не успеть, но утром участковый подойдёт.

— Сёму искать будете?

— Информацию передам сотруднику, ведущему проверку. Если он действительно появился в городе, это хороший признак.

Хорошим этот признак Артёму не казался. Человек, которого два дня искали коллеги, родственники и полиция, пришёл к его двери днём, когда точно знал, что хозяин находится на работе. Не позвонил, не оставил адреса, не объяснил, куда пропал. Передал только короткую фразу и ушёл.

Артём подошёл к окну. Во дворе почти никого не было. Возле баков копалась собака, на детской площадке качалась пустая пластиковая лошадка, у соседнего подъезда разговаривали две женщины. Под фонарём стоял серый автомобиль без опознавательных знаков. Его фары были выключены, стёкла казались чёрными.

Артём наблюдал за машиной несколько минут.

Она не двигалась.

Затем в квартире погас свет. Дом напротив тоже исчез в темноте, погасли фонари и электронный экран. Где-то во дворе недовольно закричал человек. Через несколько секунд включилось аварийное освещение подъездов, оставив улицу почти полностью чёрной.

Когда электричество вернулось, серого автомобиля под фонарём уже не было.

I (4)

Ночь выдалась беспокойной.

Несколько раз Артём просыпался от собственного ощущения, будто кто-то только что позвонил в дверь. Каждый раз квартира оставалась совершенно тихой. За окном шумел ветер, в трубах лениво журчала вода, а стрелки механического будильника продолжали размеренно отсчитывать минуты.

Утром он чувствовал себя так, словно почти не спал.

На кухне было прохладно. Пока чайник медленно нагревался, Артём машинально посмотрел на полку под зеркалом в коридоре. Конвертов по-прежнему не было.

Он всё ещё не мог понять, что раздражало его сильнее: сам факт их исчезновения или то, что никаких следов чужого присутствия обнаружить так и не удалось.

Пока заваривался чай, он ещё раз попытался дозвониться до Сёмы.

Телефон оставался выключенным.

Короткие гудки оборвались почти сразу.

Он убрал аппарат в карман и вышел из квартиры.

Во дворе пахло мокрой листвой.

Ночью снова прошёл дождь, и узкие дорожки между домами покрылись тонким слоем грязи. Где-то во дворах уже работали коммунальные машины. Маленькие электрические тракторы медленно собирали опавшие листья широкими вращающимися щётками, оставляя за собой тёмные полосы чистого асфальта.

Артём решил пройти до остановки через сквер.

Утром здесь всегда было меньше людей.

Он шёл привычным маршрутом, почти не обращая внимания на окружающих.

Пожилой мужчина кормил голубей возле памятника.

Две школьницы спорили из-за какого-то домашнего задания.

Возле газетного киоска уже выстроилась небольшая очередь.

Сам киоск давно не продавал газет. Теперь здесь можно было купить кофе, батарейки, транспортные карты и зарядить телефон, но старое название так и осталось.

Когда до остановки оставалось метров двадцать, всё произошло настолько быстро, что Артём не сразу понял, что именно случилось.

Кто-то сильно ударил его плечом.

Он едва удержался на ногах.

Перед ним стояла девушка.

Совсем молодая.

Не больше двадцати пяти лет.

Она тяжело дышала, словно только что долго бежала.

— Простите...

Слова прозвучали почти шёпотом.

Она даже не посмотрела ему в глаза.

Всё её внимание было приковано к улице за спиной.

Она быстро обернулась.

Потом ещё раз.

И только после этого словно вспомнила, что перед ней стоит человек.

— Извините... я... я не специально...

Артём хотел ответить, но девушка уже сделала шаг назад.

Только теперь он смог рассмотреть её внимательнее.

Ростом она была немного ниже него.

Тонкая.

Очень светлая кожа.

Длинные каштановые волосы были собраны в небрежный хвост, из которого выбилось несколько мокрых прядей. Они прилипли к щекам после дождя.

На ней было простое тёмно-зелёное пальто до колен, явно не новое, но аккуратное. На плече висела небольшая холщовая сумка, крепко прижатая рукой к груди, словно внутри лежало что-то действительно ценное.

Но больше всего запоминались её глаза.

Большие.

Светло-серые.

Очень красивые.

И совершенно не похожие на глаза человека, который просто куда-то опаздывает.

В них не было раздражения.

Не было злости.

Не было растерянности.

Только напряжённое ожидание.

Будто она постоянно прислушивалась к чему-то, чего остальные люди не слышали.

Она снова посмотрела через его плечо.

На этот раз дольше.
По её лицу пробежала едва заметная тень облегчения.
Словно того, кого она боялась увидеть, там всё-таки не оказалось.
— Всё нормально? — спокойно спросил Артём.
Девушка будто не сразу поняла вопрос.
— Да...
Она быстро кивнула.
Слишком быстро.
— Да... конечно...
И почти сразу добавила:
— Простите ещё раз.
Она развернулась и быстрым шагом пошла вдоль улицы.
Не побежала.
Именно пошла.
Но так быстро, что уже через несколько секунд смешалась с утренней толпой.
Артём ещё несколько мгновений смотрел ей вслед.
Потом машинально перевёл взгляд туда, куда всё время оглядывалась она.
По тротуару шли люди.
Мужчина с портфелем.
Женщина с детской коляской.
Дворник.
Двое подростков.
Ничего необычного.
Автобус подошёл почти сразу.
Уже сидя у окна, Артём неожиданно поймал себя на мысли, что лицо девушки показалось ему знакомым.
Не смутно знакомым.
Именно знакомым.
Так бывает, когда случайно встречаешь человека, которого давно не видел, но никак не можешь вспомнить, где именно пересекались.
Всю дорогу до завода он перебирал в памяти лица.
Соседка?
Нет.
Магазин возле дома?
Нет.
Поликлиника?
Нет.
Школа?
Слишком молодая.
Может быть, сестра кого-то из знакомых?
И снова нет.
Память упорно отказывалась складывать разрозненные детали в цельную картину.
К тому моменту, когда автобус остановился возле проходной, Артём уже был уверен только в одном.
Он видел эту девушку раньше.
Когда.
Где.
И при каких обстоятельствах...
Вспомнить так и не удалось.

I (4-2)

Автобус медленно тронулся от остановки.

Артём сел у окна, как делал почти каждое утро. Старый салон негромко поскрипывал на поворотах, двигатель работал ровно, а за запотевшими стёклами неспешно проплывал привычный городской пейзаж. Серые многоэтажки, мокрые деревья, небольшие магазины, остановки, лица людей, которых он видел десятки раз, но никогда не запоминал.

Обычно эта дорога проходила незаметно.

Сегодня всё было иначе.

Он всё ещё видел перед собой девушку.

Не целиком.

Память будто выхватывала отдельные детали.

Светлые глаза.

Мокрые пряди волос.

Тонкие пальцы, сжимавшие ремень сумки.

И этот взгляд...

Она смотрела не на него.

Она всё время смотрела куда-то за него.

Будто ожидала, что из толпы вот-вот выйдет кто-то, кого она панически боялась увидеть.

Артём снова попытался вспомнить.

Нет...

Не получается.

Он перебирал в памяти лица людей, с которыми сталкивался за последние годы.

Коллеги.

Соседи.

Очереди в поликлинике.

Покупатели в магазине возле дома.

Пассажиры автобуса.

Нет.

Никого похожего.

Но ощущение не исчезало.

Оно становилось только сильнее.

Так бывает, когда вспоминаешь давно забытый сон. Кажется, ещё мгновение — и память сложится в единую картину. Но стоит попытаться ухватиться за неё, как всё снова рассыпается на отдельные образы.

Автобус резко затормозил перед светофором.

Кто-то впереди тихо выругался.

Пожилая женщина недовольно посмотрела на водителя.

Артём даже не заметил этого.

Мысли неожиданно перескочили на Сёму.

В памяти сразу всплыл их последний разговор возле проходной.

— Да ладно тебе, Викторович, — смеялся тогда Сёма. — За такие деньги хоть на край света можно съездить.

— Деньги просто так не платят.

— Ну и что? Может, работа вообще лёгкая.

— Если бы была лёгкая, они бы столько не обещали.

— Ты всегда во всём подвох ищешь.

— Потому что он обычно находится.

Тогда Сёма только улыбнулся.

Совсем беззаботно.

Он вообще редко относился к жизни серьёзно.

Ему казалось, что всё обязательно получится.

Что проблемы всегда можно решить завтра.

Что неприятности происходят где-то далеко.

Не с ним.

Не сейчас.

Именно поэтому исчезновение никак не укладывалось у Артёма в голове.

Если бы Сёма решил уехать...

Он бы сказал.

Если бы подписал контракт...
Он бы обязательно похвастался.
Если бы испугался...
Позвонил бы.
Хотя бы ему.
Автобус плавно свернул к промышленной зоне.
За окнами начали появляться склады, сервисные боксы, старые производственные корпуса. Высокие трубы завода уже поднимались над серыми крышами.
Артём вдруг поймал себя на мысли, что уже несколько минут думает не только о Сёме.
Девушка снова возвращалась в память.
Он почти физически ощущал, что где-то уже видел этот взгляд.
Не лицо.
Именно взгляд.
Так смотрят люди...
Мысль оборвалась.
Он даже слегка нахмурился, пытаясь закончить её.
Нет.
Опять пустота.
Будто память специально закрывала какую-то дверь.
Автобус остановился возле проходной.
Пассажиры начали выходить.
Артём поднялся последним.
На улице пахло мокрым бетоном, машинным маслом и горячим металлом.
За воротами уже слышался привычный заводской гул.
Рабочий день только начинался.
Он ещё не знал, что вечером примет решение, которого до последнего старался избежать.
Но сейчас...
Сейчас ему хотелось только одного.
Чтобы этот день оказался обычным.
Без новых странностей.
Без новых вопросов.
И хотя бы с одной хорошей новостью.
Хотя бы...
Чтобы Сёма появился на своём месте возле верстака и с виноватой улыбкой сказал:
— Ну что, Викторович... получил я всё-таки люлей...
Но, проходя мимо раздевалки, Артём уже заранее понимал...
Этого не произойдёт.
Раздевалка встретила его привычным запахом влажной ткани, машинного масла и дешёвого стирального порошка. Металлические шкафчики стояли двумя длинными рядами, между которыми едва расходились два человека. Где-то в углу шумел старый тепловентилятор, безуспешно пытаясь прогреть помещение. Его лопасти давно покрылись толстым слоем пыли, и казалось, что воздуха он гоняет больше, чем тепла.
Артём машинально открыл свой шкафчик.
Рабочая куртка.
Каска.
Перчатки.
Всё лежало на своих местах.
Он привычным движением снял гражданскую одежду, переоделся и только тогда перевёл взгляд немного левее.

Шкафчик Сёмы оставался закрытым.
Так же, как вчера.
Так же, как позавчера.
Он не сразу понял, почему задержал на нём взгляд дольше обычного.
Наверное потому, что всё ещё ждал.
Ждал какой-нибудь совершенно бытовой причины.
Сейчас дверь откроется.
Сёма ввалится в раздевалку с виноватой физиономией.
Почешет затылок.
Скажет что-нибудь вроде:
— Да не кипишуй ты... у тётки телефон забыл...
И всё снова станет обычным.
Но дверь оставалась закрытой.
Рядом кто-то громко хлопнул металлической дверцей.
Кто-то смеялся.
Обсуждали футбол.
Жаловались на холод.
Жизнь вокруг продолжалась так, словно ничего не произошло.
И только пустой шкафчик почему-то всё сильнее раздражал взгляд.

Рабочий день начался с мелкой поломки на третьем участке.
Станция диагностики вновь перестала видеть один из силовых модулей. Подобное случилось уже не впервые. Несколько месяцев назад завод начал экономить буквально на всём, поэтому вместо замены оборудования его бесконечно латали.
Артём спокойно открыл шкаф автоматики.
Проверил питание.
Проверил контакты.
Снял крышку.
Пыль.
Следы старой влаги.
Немного окислившаяся клемма.
Ничего нового.
Пальцы работали автоматически.
За годы профессия превратилась почти в привычку.
Он уже не думал, какой ключ взять.
Какой провод отключить первым.
Какой автомат проверить.
Руки всё делали сами.
Мысли были далеко.
Перед глазами неожиданно снова возникло лицо девушки.
Неожиданно ясно.
На этот раз память удержала чуть больше.
Когда она обернулась...
На её правой щеке...
Совсем возле уха...
Была маленькая родинка.
Артём даже остановился.
Ключ так и остался в руке.

"...Странно..."

Он совершенно не помнил, чтобы специально рассматривал её лицо.

Они разговаривали меньше минуты.

Тогда почему память вдруг выдала такую мелочь?

— Викторович.

Он не сразу услышал.

— Викторович!

Артём обернулся.

За спиной стоял Корнеев.

— Ты чего завис?

— Задумался.

— Это я уже понял.

Мастер посмотрел в открытый шкаф.

— Нашёл?

— Контакт окислился.

— Сделаешь быстро?

— Минут пятнадцать.

Корнеев кивнул.

Уже собирался уходить.

Но неожиданно вернулся обратно.

— По Сёме новостей нет.

Артём молча посмотрел на него.

— Полиция приходила утром.

Общежитие ещё раз проверили.

У родственников нет.

По больницам нет.

По вокзалам нет.

Телефон молчит.

— Камеры?

— Ничего.

Корнеев пожал плечами.

— Будем ждать.

И ушёл.

Артём проводил его взглядом.

"Будем ждать..."

Странная фраза.

Ждать чего?

Что человек сам вернётся?

Что кто-нибудь случайно найдёт его?

Или что все постепенно привыкнут к его отсутствию?

К обеду завод жил своей обычной жизнью.

Где-то грохотал пресс.

По транспортным путям медленно ползли автоматические платформы.

Высоко под потолком двигались мостовые краны.

Иногда проходили небольшие сервисные дроны, проверяя температуру оборудования лазерными датчиками.

Всё выглядело настолько привычно, что Артёму вдруг стало не по себе.

Сёма исчез.

А завод...
Даже не заметил.
Линии продолжали выпускать продукцию.
Начальники проводили планёрки.
Столовая открылась ровно в двенадцать.
В бухгалтерии всё так же ругались из-за каких-то документов.
Будто человека просто стёрли из расписания.

Во время обеда он машинально взял поднос.
Компот.
Гречку.
Котлету.
Кусок чёрного хлеба.
И уже собирался поставить второй стакан с компотом на противоположную сторону
стола.

Рука замерла в воздухе.
Он тихо усмехнулся самому себе.
Поставил стакан обратно.
Рядом никто не сел.
Несколько минут Артём ел молча.
За соседними столами снова говорили о программе.
Кто-то уже записался.
Кто-то ругался.
Кто-то убеждал остальных, что это шанс выбраться из этой жизни.
— Я тебе говорю, — громко рассказывал один из сварщиков, — двоюродный брат жены
уехал по такому контракту ещё весной.

— И?
— Вернулся через четыре месяца.
— Богатый?
— Дом купил.
— А где работал?
— Не сказал.
— Почему?
— Подписка.
За столом дружно рассмеялись.
— Сказочник твой брат.
— Может и сказочник...

Но дом-то купил.
Разговор продолжался.
Артём слушал его вполуха.
В голове неожиданно всплыли слова Сёмы.
"...За такие деньги хоть месяц в тайге..."
И почему-то впервые эта фраза перестала казаться шуткой.

После обеда работа уже не клеилась.
Ничего серьёзного не происходило.
Обычные заявки.
Обычные неисправности.
Обычные разговоры.

Но внутри постепенно росло странное ощущение.

Словно последние несколько дней кто-то незаметно вытаскивал по одному кирпичу из стены привычной жизни.

Сначала письма.

Потом программа.

Потом исчезновение Сёмы.

Потом девушка.

Потом снова фонд.

Каждая странность сама по себе выглядела вполне объяснимой.

Но вместе...

Вместе они почему-то переставали быть случайностями.

Эта мысль появилась неожиданно.

И Артём почти сразу попытался её отогнать.

— Глупости...

Он даже произнёс это вслух.

Настолько тихо, что сам едва слышал.

Когда смена наконец подошла к концу, огромный цех начал постепенно затихать. Это происходило не сразу, а медленно, почти незаметно. Сначала один за другим замолкали станки, потом гасли сигнальные лампы на пультах управления, переставали грохотать транспортные линии, и только спустя несколько минут привычный заводской гул превращался в едва различимый низкий шум вентиляции, который, казалось, никогда не исчезал окончательно.

Рабочие неторопливо расходились по раздевалкам. Кто-то уже успел снять спецовку и громко обсуждал с товарищами вчерашний футбольный матч, кто-то торопился домой, бросив на ходу короткое «до завтра», а несколько человек, как обычно, направились к курилке, где можно было ещё минут десять постоять, прежде чем ехать через весь город в свои панельные квартиры.

Артём не спешил.

Он продолжал сидеть возле своего верстака, лениво вращая в руках старый разводной ключ. Металл уже давно потемнел от времени и отполировался ладонями настолько, что в некоторых местах блестел почти как зеркало. Сам ключ давно следовало заменить, но рука почему-то всегда тянулась именно к нему. Наверное, потому, что к старым вещам привыкаешь сильнее, чем к новым людям.

Он смотрел на инструмент, почти не замечая его, а мысли вновь возвращались туда, откуда никак не удавалось выбраться последние несколько дней.

Сёма.

За это время Артём столько раз пытался найти происходящему хоть какое-то разумное объяснение, что уже сам перестал понимать, верит ли собственным доводам. Полиция уверяла, что человек мог уехать добровольно. На заводе пожимали плечами. Кто-то говорил, что молодёжь сейчас вообще способна сорваться в другой город без предупреждения. Кто-то предполагал, что Сёма просто решил начать новую жизнь, воспользовавшись предложением фонда.

Все эти версии звучали вполне логично.

До тех пор, пока он не вспоминал одну единственную деталь.

Сёма приходил к его дому.

Не позвонил.

Не дождался.

Не оставил записку.

Он всего лишь попросил соседку передать несколько слов.

Для чего?

Этот вопрос упорно возвращался снова и снова, не позволяя ни на минуту поверить, что всё происходящее можно объяснить обычным человеческим поступком.

Наконец Артём тяжело поднялся, выключил настольную лампу, аккуратно закрыл инструментальный шкаф и направился к выходу из цеха. Вечерний воздух встретил его приятной прохладой, пахнувшей влажным асфальтом и осенней листвой. После нескольких часов, проведённых среди раскалённого металла и машинного масла, даже обычный ветер казался удивительно свежим.

До проходной оставалось всего несколько десятков метров.

Но сегодня он неожиданно замедлил шаг.

Справа возвышалось административное здание фонда.

Ничем не примечательное серое строение из стекла и бетона, которое он видел почти каждый день и никогда не рассматривал всерьёз. Такие здания сейчас строили повсюду: строгие прямые линии, панорамные окна, светлые фасады, никаких архитектурных излишеств. Оно ничем не выделялось среди остальных построек завода и в другое время наверняка осталось бы для него таким же безликим, как сотни подобных офисов по всей стране.

Но сегодня всё было иначе.

Он остановился.

Несколько секунд просто смотрел на стеклянные двери, пытаясь понять, почему ноги сами привели его именно сюда.

Наверное, потому что других вариантов уже почти не осталось.

Сёма исчез.

Полиция не знала ничего.

На заводе знали ещё меньше.

А единственными людьми, которые хотя бы теоретически могли быть связаны с его исчезновением, оставались сотрудники фонда.

Нет, Артём вовсе не собирался устраивать скандал или требовать ответы. Скорее наоборот. В глубине души он отчаянно надеялся, что всё объяснится какой-нибудь скучной, совершенно бытовой причиной. Что Сёма действительно подписал контракт, что существует какой-нибудь пункт о неразглашении, что ему просто запретили связываться с близкими до окончания подготовки. Любая, даже самая нелепая правда сейчас казалась лучше неизвестности.

Он поднялся по широким бетонным ступеням и остановился перед массивными стеклянными дверями. В отражении на мгновение мелькнуло собственное лицо — усталое, осунувшееся, с покрасневшими от недосыпа глазами и щетиной, которую он обещал себе сбрить ещё вчера.

Артём медленно взялся за металлическую ручку.

Дверь не открылась.

Он потянул сильнее.

Тишина.

Лишь где-то внутри негромко щёлкнул электромагнитный замок.

Только теперь взгляд зацепился за небольшую табличку сбоку.

«Приём посетителей до 18:00».

Он машинально посмотрел на часы.

Без десяти шесть.

Несколько секунд Артём продолжал стоять перед дверью, сам не понимая, чего ждёт. За стеклом тянулся длинный пустой коридор, освещённый холодным дежурным светом. Стойка регистрации пустовала, а белые лампы отражались в идеально чистом кафеле так, что помещение казалось ещё более безжизненным.

Он медленно отпустил ручку.

Никакого разочарования.

Только странная усталость.

Будто сегодняшний день ещё раз напомнил ему простую вещь: ответы не появляются только потому, что человек устал их искать.

— Завтра... — едва слышно произнёс Артём, скорее для самого себя, чем вслух.

Он развернулся и начал медленно спускаться по ступеням.

Он не стал ждать автобус. После целого дня, проведённого среди грохота прессов, гула вытяжки и чужих разговоров, мысль о тесном салоне, влажной одежде и необходимости стоять рядом с незнакомыми людьми показалась почти невыносимой. До дома было около сорока минут пешком, но Артём никуда не торопился. Он застегнул куртку до подбородка, сунул руки в карманы и направился к мосту, под которым медленно ползли грузовые составы.

Завод оставался за спиной, однако ещё долго напоминал о себе. Сначала дрожал асфальт от работы тяжёлого пресса, потом над крышами мелькали вспышки сварочных постов, а в сыром воздухе держался знакомый запах раскалённого металла. Постепенно гул растворился в вечернем городе, уступив место шороху шин, редким сигналам машин и голосам прохожих. Вдоль дороги зажигались фонари. Некоторые включались сразу, другие несколько раз моргали, прежде чем дать тусклый жёлтый свет. В лужах дрожали отражения окон и рекламных экранов, из-за чего улица казалась глубже и длиннее, чем была на самом деле.

Артём шёл привычной дорогой, почти не замечая, куда ставит ноги. Организм сам обходил выбоины, выбирал сухие участки тротуара и замедлял шаг перед перекрёстками, пока мысли вновь возвращались к Сёме.

Прошло уже несколько дней. Для постороннего человека это могло показаться незначительным сроком. Совершеннолетний парень не пришёл на работу, отключил телефон, забрал из общежития документы и часть одежды — ничего такого, что само по себе доказывало бы беду. Он мог уехать к знакомым, найти другую работу, в последний момент подписать контракт и решить, что объяснится позже. Именно так рассуждали в отделе кадров. Примерно то же самое говорили полицейские, осторожно подбирая формулировки и напоминая, что взрослый человек имеет право не сообщать окружающим о своих планах.

Артём и сам пытался мыслить так же. Он не был ни родственником Сёмы, ни его опекуном. Они работали вместе, иногда возвращались домой одной дорогой, спорили из-за инструментов и пили чай во время перерывов. Молодой напарник не обязан был отчитываться перед ним о каждом решении. Возможно, Сёма действительно устал от общежития, постоянной нехватки денег и ощущения, что его жизнь началась и сразу застряла в ремонтном цехе. Возможно, обещанные выплаты показались ему единственным шансом выбраться.

Но тогда оставался его приход к дому.

Эта деталь никак не укладывалась ни в одну спокойную версию. Если Сёма хотел исчезнуть, зачем возвращаться? Почему не позвонил, не дождался Артёма после смены, не написал хотя бы нескольких слов? Зачем стоял возле закрытой двери и передавал через Тамару Ивановну короткое, почти бессмысленное сообщение?

«Всё хорошо».

Чем чаще Артём повторял эту фразу про себя, тем меньше верил в её смысл. Так не говорят, когда действительно всё хорошо. Так пытаются прекратить вопросы. Успокоить человека, не дав ему возможности спросить, где ты находишься, что произошло и почему исчез на несколько дней. Возможно, Сёма произнёс эти слова добровольно. Возможно, хотел дать понять, что жив и не нуждается в помощи. Но почему тогда соседка запомнила его бледным и каким-то непривычным? Почему он пришёл именно в то время, когда Артём находился на заводе?

К тому же после его визита из квартиры исчезли приглашения фонда.

Официально эти события никак не были связаны. Письма мог забрать кто-то другой. Тамара Ивановна могла ошибиться во времени. Запасной ключ теоретически могли скопировать много лет назад, ещё когда квартира принадлежала отцу. В любом механизме существовало несколько точек отказа, и человеческая память была гораздо менее надёжной, чем металл или проводка. Артём знал это. Однако слишком многие незначительные странности начали возникать рядом с одним и тем же названием.

«Новый рубеж».

Он дошёл до площади перед библиотекой. Утреннюю очередь давно распустили, складные ограждения сдвинули к стене, а возле закрытого входа остались только несколько мокрых листовок, прилипших к асфальту. Передвижного пункта фонда тоже не было. На месте серого микроавтобуса темнело прямоугольное пятно, защищённое от дождя его днищем. Рядом валялась смятая анкета. Ветер приподнимал один её край и снова прижимал к земле.

Артём замедлил шаг, но поднимать бумагу не стал.

Он уже видел вопросы, содержащиеся внутри. Способен ли человек долго находиться без доступа к точному времени? Сумеет ли сохранить работоспособность в условиях неопределённости? Предупредит ли других об опасности или сначала попытается спастись сам? Тогда эти формулировки показались ему претенциозной психологической ерундой, придуманной людьми, которым платят за составление сложных анкет. Теперь он невольно задумался, какие именно обязанности требуют подобных качеств.

Работа на удалённой территории могла предполагать проблемы со связью. Повреждённая инфраструктура — риск и необходимость принимать решения без руководства. Ничего сверхъестественного. Однако почему об этом нельзя сказать прямо? Зачем называть место работы «особой территорией», а обычную поездку — «перемещением к месту участия»? Почему снимки поселений были пусты, а люди, вернувшиеся оттуда, отказывались рассказывать даже самые общие вещи?

На перекрёстке загорелся красный свет. Артём остановился рядом с несколькими прохожими и машинально посмотрел на противоположную сторону улицы. На мгновение ему показалось, что среди людей возле магазина стоит утренняя девушка.

Сердце отозвалось неожиданно быстрым ударом.

Он прищурился, стараясь разглядеть лицо. Женщина была примерно того же роста, на ней тоже было тёмное пальто, а из-под капюшона выбивались каштановые волосы. Когда она повернулась, сходство исчезло. Лицо оказалось старше, черты — совершенно другими. Женщина поправила пакет в руке и пошла вдоль витрин, не взглянув в его сторону.

Загорелся зелёный. Люди двинулись через дорогу, а Артём ещё несколько секунд стоял на месте, пока мужчина позади раздражённо не обошёл его.

Он продолжил путь, недовольный собственной реакцией.

Встреча длилась меньше минуты. Девушка налетела на него, несколько раз извинилась и ушла. Ничего более обыкновенного трудно было представить. В городе ежедневно сталкивались сотни людей, не запоминая друг друга уже через несколько шагов. Но её лицо почему-то не исчезало. Наоборот, память словно постепенно восстанавливала детали, которых Артём не успел осознанно рассмотреть утром.

Мокрая прядь на щеке. Светло-серые глаза. Маленькая родинка возле правого уха. Тёмно-зелёная ткань пальто, потёртая на рукавах. Тонкие пальцы, с силой прижимавшие сумку к груди.

Он не мог понять, откуда помнит всё это настолько отчётливо.

Возможно, просто внимательно смотрел на неё, сам того не осознавая. Человеческий мозг сохранял гораздо больше, чем позволялось извлечь по желанию. Иногда запах или случайное движение возвращали давно забытые картины — комнату из детства, голос матери, летний двор, которого уже не существовало. Однако с этой девушкой ощущение было иным.

Артёму казалось не только то, что он видел её раньше. В её присутствии на короткое мгновение возникло странное чувство узнавания, почти близости, будто перед ним стоял человек, которого он когда-то хорошо знал, но по неизвестной причине забыл.

Это не было влюблённостью. По крайней мере, он отказывался называть так состояние, возникшее после нескольких произнесённых фраз. Девушка была красивой — это он мог признать без всяких оговорок. В ней не было броской, тщательно собранной привлекательности, которую постоянно показывали на экранах. Она казалась хорошенькой именно своей естественностью: тонкое лицо, немного растрёпанные волосы, испуганный взгляд и попытка сохранить спокойствие, когда ей явно хотелось бежать дальше. Но одной внешности было недостаточно, чтобы весь день возвращаться мыслями к незнакомому человеку.

Артёма тревожило другое. Когда он вспоминал её, вместе с образом приходило ощущение утраты. Невнятное, лишённое конкретного воспоминания, но настолько настоящее, что временами становилось тяжело дышать. Будто встреча не была первой. Будто однажды он уже видел, как эта девушка уходит, и тогда не сумел её остановить.

Он попытался вспомнить женщин, которых знал раньше. Одноклассницы, соседки, работницы завода, знакомые сестры, люди из больницы, куда он ездил к отцу. Ни одно лицо не совпадало. Возможно, она была дочерью или младшей сестрой кого-то из старых знакомых. Возможно, он видел её фотографию. Возможно, они много раз ехали в одном автобусе, но внимание обратило на неё только сегодня.

Каждое объяснение выглядело правдоподобно, пока он не вспоминал её глаза.

Она тоже узнала его.

Артём не мог доказать это даже самому себе. Девушка почти не смотрела ему в лицо и больше беспокоилась о том, что происходило за спиной. И всё же в ту короткую секунду, когда их взгляды встретились, в её выражении что-то изменилось. Испуг не исчез, но к нему прибавилось другое — растерянность человека, неожиданно увидевшего знакомое лицо там, где его никак не должно быть.

Он остановился возле входа во двор и обернулся.

Улица за спиной была почти пустой. По мокрому тротуару шла пожилая пара, дальше курил водитель припаркованного фургона. Никто не следовал за ним, никто не наблюдал из-за угла. Артём постоял несколько секунд, чувствуя себя нелепо, затем покачал головой и вошёл во двор.

— Совсем уже голову забил, — негромко сказал он самому себе.

Его голос прозвучал чужим среди шороха ветвей и далёкого шума дороги.

В подъезде пахло сыростью и жареным луком. На первом этаже перегорела ещё одна лампа, поэтому до второй площадки пришлось подниматься почти в темноте. На третьем этаже за дверью Тамары Ивановны работал телевизор. Ведущий монотонно рассказывал о перераспределении энергетических квот между промышленными районами. Артём хотел постучать и уточнить, не появлялся ли Сёма снова, но передумал. Если бы произошло что-то важное, соседка наверняка дождалась бы его возле двери или оставила записку.

Квартира встретила его неподвижным холодным воздухом. Он включил свет в коридоре, проверил замок и некоторое время осматривал полку под зеркалом, хотя понимал, что письма там не появятся. Вещи лежали на прежних местах. Связка запасных ключей, расчёска, несколько старых квитанций и маленькая отвёртка, которой он когда-то подтягивал крепление зеркала. Обычный беспорядок, знакомый до каждой мелочи.

На кухне Артём поставил чайник и открыл холодильник. Есть не хотелось. Он достал контейнер с гречкой, посмотрел на него и вернул обратно. Чайник быстро нагрелся, но кружку он налил только через несколько минут, когда вода уже начала остывать. В комнате не включал ни телевизор, ни радио. После дневного шума тишина должна была успокаивать, однако сегодня она лишь оставляла слишком много места для мыслей.

На холодильнике под круглым магнитом висел листок с переписанными данными приглашения. Сам конверт исчез, но адрес и назначенное время сохранились. Артём снял бумагу и сел за стол.

Административный корпус. Второй этаж. Кабинет двести семнадцать. Десять тридцать.

Первое назначенное собеседование он пропустил намеренно. Второе тоже собирался проигнорировать, хотя фонд каким-то образом доставил приглашение прямо в закрытую квартиру. Сегодня вечером он всё-таки дошёл до двери, но опоздал на десять минут. Можно было расценить это как очередной повод отказаться от затеи. Фонд завершал набор, Сёма мог не иметь к нему никакого отношения, а сотрудники наверняка снова откажутся обсуждать сведения другого человека.

Но если Артём не пойдёт утром, ничего не изменится. Он проведёт ещё одну смену, глядя на пустой шкафчик напарника. Полиция продолжит ждать ответа на официальный запрос. Корнеев будет пожимать плечами, а отдел кадров рано или поздно оформит увольнение за отсутствие. Через несколько недель вещи из общежития передадут родственникам, имя исчезнет из сменных ведомостей, и завод окончательно приспособится к тому, что Сёмы больше нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.